

Синдром Деточкина

A close-up, high-contrast photograph of a person wearing a white, featureless mask. The person's eyes are visible through a narrow slit in the mask, looking directly at the camera with a serious expression. The background is dark, and the lighting highlights the texture of the mask and the person's skin.

Петр Ингвин

16+

Петр Ингвин

Синдром Деточкина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48420938

SelfPub; 2023

Аннотация

Герой решил главную проблему современности: как сделать закон справедливым, а справедливость законной. История из современной жизни, цикл «Игрывыгры. Авантюрный роман». Самостоятельный сюжет с уже известными по «Всеумуко Путенабо», «Игрывыграм» и «Такой разной правде» героями. Каждую книгу цикла можно читать отдельно и начинать с любой. Автор обложки: Ингви Петрин.

Содержание

Часть первая. Диагноз	5
1	5
2	9
3	14
4	21
Часть вторая. Течение заболевания	32
1	32
2	35
3	46
4	50
5	55
6	60
7	64
8	71
9	73
10	77
11	82
12	92
13	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Петр Ингвин

Синдром Деточкина

Самая большая ложь – это неверно понятая правда. (Велемир Джеймс)

Мы потеряли прилагательные. Прощай, прелестная женщина, красивая одежда, вкусная еда... Остались – женщина, одежда, еда. И чтобы добыть их, вскоре понадобится дубина, камень, топор... Существительные без прилагательных – дубина, камень, топор. А за ними последнее существительное – кровь. (Вадим Жук «О прилагательных»)

Часть первая. Диагноз

1

Когда вот так, как сегодня, по-летнему тепло и солнечно, кажется, что на улицы после зимней спячки выползли погреться все машины города. Паралич вечернего часа пик миновал, а до следующего жить да жить. Дорога не стояла, пусть как-нибудь, но все ехали. Все было хорошо. Но долго, как известно, хорошо не бывает. Отчаянно машущий рукой клиент привлек внимание таксиста, желтый автомобиль из левого ряда резко переместился вправо, в узкое пространство между двумя другими, и...

Визг тормозов, ругань из всей цепочки машин, едва избежавших аварии, мат в сторону такси, что не удалось мигнуть сигналом поворота... У меня дистанция была достаточной, я успел затормозить вовремя. Ближайший к нарушителю спокойствия водитель едва вывернул, чтобы не получить желтым задом в крыло, и своим маневром чуть не сбил собиравшихся перебежать дорогу детей. Еще полметра, и – «сушите сухари».

Нервишки у народа ныне ни к черту. Перепуганные детки – в стороны, таксюк – в позицию «не тронь дерьмо – вонять не будет», а едва не ставший убийцей водила вклинился сво-

ей «Ладой» перед передним бампером наглого зеленоглазого чудовища. Из-под сиденья «Лады» вынырнул заготовленный для подобных случаев молоток – идеальное оружие, поскольку с точки зрения закона оружием не является.

– Поворотником пользоваться не учили? – Разъяренный водитель «Лады» замахнулся молотком. – Папа с мамой насчет хороших манер не рассказывали?

Рука таксиста потянулась под сиденье за монтировкой, губы скривились в виноватой улыбке:

– Прости, брат. К клиенту торопился.

На обочине топтался ошарашенный поворотом событий мужичок, чуть в стороне ждала его беременная жена. При виде живописной парочки желание бить морды испарилось.

– Ей спасибо скажи. – Молоток указал на женщину, а его носитель в бешенстве вернулся к своей машине.

В какой-то момент взгляд водителя скользнул по мне, остановившемуся невдалеке. Я дружески улыбался, а в голове стучало: «Наш? Не наш?» Лицо незнакомое, но у нас сейчас много новеньких. Приходят каждый день, а в условиях, когда восстанавливать справедливость приходится не совсем законными методами, само собой, не все знают всех. Так и должно быть.

Такси увезло испуганную парочку, радуясь, что не дошло до рукоприкладства. Впрочем, не в первый раз, не в последний, а если бы дошло – подоспели бы вызванные друзья-таксисты, и тогда...

Все как обычно, схема отработана до мелочей.

Вернув молоток под сиденье, мужчина остановился, пристально глядя в мою сторону, его ладонь вновь чуть не потянулась за инструментом – чужое любопытство раздражает, когда переходит в разряд вызывающего.

– Привет. – Я шагнул навстречу, пальцы протянутой для пожатия руки совершили неуловимый для посторонних жест.

Знак принадлежности.

Жест был проигнорирован, мужчина настороженно пожал протянутую ладонь.

– Так ты не из наших... – разочарованно протянул я.

Меня смерил испытующий взгляд:

– Из кого из ваших?

– Ты... Прошу прощения, можно на «ты»?

– Нужно.

– Я видел, что произошло. Ты остановился, чтобы наказать нарушителя?

– Именно.

– Значит, из наших, – весело констатировал я. – Только пока не знаешь об этом.

– Пояснишь?

Я оглянулся по сторонам. За стальным забором зеленел парк, арка входа находилась неподалеку.

– Прогуляемся, поговорим?

– Я с женой, – мужчина указал на «Ладу», где на правом

сиденье вот уже пару минут не понимала, что происходит, и, соответственно, волновалась красивая молодая женщина. – Ничего, если Нина составит нам компанию?

Я не возражал.

2

Прошу прощения, что забежал вперед в истории, которая дважды перевернула мир в моей голове. Для понимания дальнейшего надо бы рассказать, кто я и как сюда попал. Позвольте представиться: Алекс Акимов, возраст – самый деятельный, под тридцать, то есть мужчина в самом соку. О внешности и в нужной мере накачанной фигуре можно без ложной скромности сказать, что выгляжу как герой ваших мальчишеских (то есть, так, как вы, наверняка, представляли идеального себя) или девичьих (образ второй половинки) грез (нужное оставить). Не пью, не курю, на природные, химические и ай-тишные наркотики не подсажен. На недоуменный вопрос интересующихся, чем же в таком случае занимаюсь в свободное время, отвечаю: я – решатель проблем. Любых. От незначительных, вроде снятия с дерева забравшегося котенка, до глобально-мировых. В общем, если надо зазнавшегося соседа за сдвинутый забор пожурить, чтобы вразумился, или в тысячах мозгов извилины в другую сторону завернуть – это ко мне. Условие одно: чтобы дело было правое. Извините, но иначе никак.

За несколько минут до вышеприведенной встречи я всматривался в набранный на планшете судьбоносный текст, над которым бился не первый день:

«Бог сотворил мир как нечто правильное, логичное, совершенное. Люцифер изменил мир, подарив людям сомнения. Моисей упорядочил разворошенный улей мира, сообщив ему заповеди и установив правила. Иисус взошел на крест, чтобы спасти людей от самих себя, научить любить ближнего и тем исправить испортившийся мир. В последующие века правила постоянно менялись, люди кидались из крайности в крайность, искали свободы и удовольствий. В результате мир снова испортился.

Меня зовут Алекс, и я знаю, как изменить мир к лучшему».

Получалось неплохо. Нескромно, даже заносчиво, немного напыщенно и с примесью самолюбования. Ничего не поделать, дело обстояло именно так, я не солгал ни в единой букве. Я действительно знаю. Мало того, я действую. Это отличает меня от других, которые тоже знают, но покой и свободу ценят дороже.

Не подумайте, что я экстремист. Мне не нужны потрясения. Я боюсь революций и ненавижу войны, особенно – гражданские, проливающие кровь из-за несходства живущих в наших головах «тараканов». Я считаю всех людей равными, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания. Тогда, спросите вы, в чем идея пропагандируемых мной изменений? Смешно и грустно, если такой вопрос возникает. Я же все сказал выше. «Моисей снова упо-

рядочил... Иисус пришел восстановить статус-кво... Магомет вновь принес в мир подзабытую мысль, что гнилое отрубают, а праведное чтят...» Другими словами: если в мире существуют законы, они должны исполняться. А кто трактует их исключительно в свою пользу, тому не место среди законопослушных граждан.

Ново? Неожиданно? К сожалению, ни то, ни другое. Затерто и банально, как древний кувшин, откуда не сумели вызвать джинна. Все по очереди терли-терли и отступились. А я – не отступлюсь.

Выйдя из кафе, где встречался с представителями движения «хрюнек» (о них чуть позже), я бухнулся в кресло служебного автомобиля, поскольку мой стальной коняга недавно пал под ударами судьбы, произведенными битами малолетних варваров. Мысли погрузились в набивавшийся на планшете текст.

Дзинь-дзинь! – позвал карман. Так всегда. В самый неподходящий момент, когда думаю о глобальном, эта доставучая дзинькалка возвращает из счастливого благоустроенного будущего в унылое настоящее.

Игнорировать нельзя – на экране высветился наш великолепный Борис Борисович, многоуважаемый шеф. Возможно, лучший шеф в мире, если бы не кое-какие мелочи. Но кто из нас полностью белый и пушистый, особенно, если сидеть по шею в грязи?

– Здорово, Алекс. Жанну не видел? Дома ее нет, телефон

не отвечает, запасной тоже. Личное авто стоит в гараже, а без него она только по специальным поручениям выезжает.

– Вот, наверное, и...

– В последнее время не было ничего специального.

Что же, мне теперь еще и чужих секретарш разыскивать (даже если эта конкретная представляет интерес для меня)?

Но. От нечего делать шеф не звонит, а поскольку с очевидной мелочью обратился ко мне – значит, далеко не мелочь, и всесильному Борису Борисовичу действительно требуется помощь. Нечасто такое случается, совсем нечасто.

– В родительском доме смотрели? – спросил я.

Нужно же поддержать реноме умелого сотрудника, который отработывает до невозможности завидную зарплату. Хотя я знал, что после гибели родителей особняк выставлен на продажу и Жанна старается там не появляться... без повода.

Но вдруг? Эта девушка – такой фрукт, что среди зимы бананом на обледенелой ветке березы повиснет и всем докажет, что так и должно быть. Она неожиданна и непредсказуема настолько, что не удивлюсь, если найдет упомянутый повод в обход меня и шефа.

Но – ее машина осталась в гараже, а в чужих Жанна передвигаться не любит – то ли из банальной осторожности, то ли из соображений свободолобия и чрезмерной постоянно демонстрируемой самостоятельности.

Борисыч прокашлялся.

– Смотрели. Тоже нет.

Плохо дело. В то же время, если непоседливая девчонка не хочет, чтобы ее нашли... Нужно ли, в таком случае, искать?

3

Жанна. Симпатичная стервочка, однажды чуть не лишившаяся сумочки с ценностями, когда грабитель толкнул ее в грязь у моего подъезда и почти сбежал с добычей. Сумочку спасли отработанные до автоматизма рефлексy вашего покорного слуги. С моего разрешения очаровательная чертовка воспользовалась ванной. Хорошо, что управилась до возвращения жены – не знаю, как бы я объяснял присутствие посторонней дамы, если бы супруга пришла раньше. Впрочем, даже без таких встрясок мой брак рухнул, не пережив последующих событий. Так волею судьбы мы познакомились с Жанной – формально секретаршей, а на деле правой рукой Бориса Борисовича. Вскоре она свела с ним меня, молодого специалиста широкого профиля. Беременный идеями мирового масштаба, я в то время ничего сколько-нибудь дельного из себя не представлял. Борисыч возглавлял фирму, в которой, по его инициативе, с недавних пор я руководил одним из главных направлений. Как мое невероятное направление, так и вся фирма были непросты. Мы не торговали шмотьем или продуктами. Не строили и не ломали. Мы помогали восстанавливать справедливость.

Да, мои идеи упали на благодатную почву. В лице Борисыча (шеф, Борис Борисович, Борисыч и просто Сыч – как только его не называли) я получил одновременно спонсора и

соратника. Теперь весь мир готов был пасть к нашим ногам.

Все это промелькнуло в голове за долю секунды, а губы сами произнесли интересовавший шефа ответ:

– Насколько я знаю Жанну, если она не хочет, чтобы пришли, ее никто не найдет.

У меня в душе всколыхнулось нечто первобытно-пещерное, ревнивое. Все говорило о том, что шефа и секретаршу связывала не только работа. Не мне им мораль читать, у самого рыльце в пушку, но себя корить особо не за что – Борисыч и Жанна оба свободны, а что не афишировали возможные отношения, при этом позволяя себе многое параллельно – извините, это их жизнь, их выбор, их договор. А еще, видимо, оба не хотели, чтоб злые языки принижали реально существовавшие заслуги Жанны, ставя ее положение в зависимость от отношений с начальством. Завистников хватало даже в нашей серьезной организации. Прошу прощения, но я сам такой, несмотря на то, что борюсь, как могу. Борисыч и без того всем как кол в одном месте, а еще такую умницу-красавицу при себе держит. Еще бы не завидовать.

– Когда видел ее последний раз?

– У вас на совещании, вчера, подавала кофе. – Ой, как не хотелось говорить больше. – А что?

– У нее проблемы.

– Большие?

Интересно, звонок и сообщение о проблемах – это намек, что у моей группы появится новый объем работы... или он

догадался? Или не просто предполагает, а знает?!

Если знает – где же я прокололся? Или – Жанна?!..

– Связалась не с тем, с кем нужно.

Вот же ж, цитируя единственного в своем роде Льва Николаевича, едондер пуп. Сейчас прогремят решающие слова, и за мою жизнь никто не даст ломаного гроша.

– Эти ребята... В общем, они не те, с кем должна иметь дела секретарша уважаемого человека. Нужно принять меры.

Уф. Не забыть рубашку сменить, что-то слишком липнет на спине и под мышками.

Всего лишь взаимные разборки.

А нечего выбирать в любовницы девчонок в два раза моложе. С чувством, будто второй раз родился, я сказал:

– Думаю, это ее личное дело, она у нас девочка большая, сама умеет решать проблемы. И делает это так, что всерьез подумываю взять пару уроков.

Сказал, и полегчало. Не хватало в чужие отношения лезть, чью-то сторону занимать. В таких делах никто не советчик и не союзник, а уж я – особенно.

Но про «этих ребят» не забуду. Очень важная для меня информация. Несмотря на то, что нас с Жанной ничего серьезного не связывает. Как она думает. Потому что я не умею относиться к такому несерьезно.

– Если она соблаговолит провести мастер-класс, я тоже запишусь, но сейчас имеется в виду, что совершена ошиб-

ка, Жанна переоценила свои силы. В общем, когда увидишь ее...

– Понял. Увижу – сразу скажу, что ее ищут.

– Нет, ничего не говори. Набирай меня и диктуй ее местонахождение.

– Как скажете.

Все же – не обо мне. Но тогда... все правильно, и я целиком на его стороне.

Бедовую головушку Жанны я знал прекрасно. Если по живости натуры она действительно вляпалась во что-то опасное, что однажды, честно говоря, просто обязано было произойти... Шеф прав, лучше перестраховаться.

– Сообщу обязательно, – подтвердил я.

И не обманывал. Хотя Жанна и занимала некое приятное место в моей жизни, шеф был для меня всем. Не просто начальником. Даже не отцом. Богом!

Именно, не шучу. Таких, как он, я не встречал раньше и вряд ли встречу в будущем. Мой шеф – это нечто. Начнем с того, что он вытащил меня из тюрьмы, где гнить бы долгие годы за убийство насильника. Суд счел, что смерть подонка на месте преступления – это чрезмерно. Усугубило положение мое заявление, что сделал я это сознательно, что хотел убить такую мразь – и убил.

Пока я сидел в следственном изоляторе, моя жена, из-за которой все случилось, развелась со мной, продала квартиру и уехала. Я мог остаться один со своими проблемами, если

бы не Борисыч. Он понимал, что зло должно быть наказано любым путем, а справедливость – это не мнение ребят в мантиях, а то, из-за чего болит душа, и желание чего не дает нам перестать быть людьми.

Маленький тест: Виталий Калоев, который убил авиадиспетчера, ушедшего от ответственности убийцу своих детей – герой или преступник? От ответа зависит, будет ли вам интересно дальнейшее, или лучше сохранить нервы.

Борисыч не пожалел ни денег, ни времени, задействовал все связи, и вот я перед вами – живой, здоровый и свободный. Правда, с Дамокловым мечом условного срока, но что это значит по сравнению с обретенной волей?

– У меня к тебе просьба. – Голос собеседника чуточку изменился. – Слышал про Арбитра?

Я слышал. Парнишка с этой «погремухой» тоже подвизался под крылышком Борисыча. Арбитр расстрелял утром трех недоносков, по чьему-то наущению громивших одно из производств, а оно принадлежало нашей конторе. Слов они не поняли, на попытку решить вопрос миром ответили взятием заложниц из обслуживающего персонала.

– Сделаешь ему алиби? – продолжил шеф.

Повисла тягостная пауза, причину которой он должен был понимать.

С моей точки зрения, любой преступник – преступник. Любой. Кроме человека, который убил преступника. Ну, вы понимаете. Я ведь только что рассказал о своем случае и его

мотивах: человек, решивший, что он выше других и покусившийся на их жизнь или имущество, перестает быть с ними равным и потому не достоин жизни.

Но если заведомый преступник, чьи преступления мне досконально известны, совершает благое дело, очистив мир от других преступников – хорошо это или плохо? Спросим по-другому: преступление это или нет?

Я нехотя произнес:

– Подумаю, что можно сделать.

– Отлично. Я знаю, твои алиби несокрушимы.

Борисыч отключился.

Планшет на руле еще светился поставленной задачей, но мозги уже переключились. Ладно, на сегодня хватит работы и логических задачек, пора домой, в родную квартирку, после моего возвращения из недр темного мира тоже предоставленную шефом. Причем не во временное пользование – в собственность! И как, чертяка, предоставил! Но... молчу. Об этом, с вашего разрешения, как-нибудь позже.

Такой подарок сделал мне Борисыч. Такой у меня шеф. И если он считает, что именно я должен заняться скользким и неприятным делом Арбитра, я займусь. Завтра.

Касание кнопки зажигания, урчание проснувшегося дракона под капотом... Я нажал на педаль акселератора. Невзрачный с виду полноприводный седанчик, в котором скрывался умело втиснутый табун, пустился вскачь по знакомым ухабам и направлениям. Ннно-о-о, родимый, вперед

к светлому будущему, которое я ежедневно творю вот этими, впившимися в руль, привыкшими и к гантелям, и к клавиатуре натренированными руками. Своими руками. Так, как дай Бог каждому.

Едва я выехал на проспект – стал свидетелем вышеописанной сценки и участником последовавших за ней событий. Итак, мы с водителем подрезанного автомобиля решили прогуляться и поговорить. Мужчина помог супруге выйти из машины, они шагнули в мою сторону. Золотоволосая спутница водителя очаровательно шурилась, но темных очков не надела, за что получила от меня огромное внутреннее спасибо. Потому что ее искренние глаза намного больше располагали к доверию и красноречию, чем отвратительная стеклянная стена из темноты и пустоты за ней.

– Алекс, – назвался я и протянул визитку.

Визитка была простейшей – имя, фамилия, телефон и никаких сведений о должности или месте работы. Кратко, информативно, ничего лишнего, то есть ничего такого, что навело бы на неправильные мысли. Зачем людям знать, кем я, еще довольно молодой парень, числюсь в известной в городе компании, которую одни искренне любили, другие отстраненно уважали, третьи люто ненавидели, но все безмерно опасались? Лучше начать разговор с чистого листа.

Мужчина представился:

– Владислав.

– Нина, – проговорила его обаятельная спутница.

В обоих случаях я галантно склонил голову, затем сделал

первый шаг под сень деревьев.

Небо медленно закрывалось тучами, но сильного ветра не было, а из-под свинцовой завесы на далеком западе по-прежнему били слепящие лучи.

– Алекс – сокращение от Александра? – поинтересовалась присутствовавшая среди нас дама, – или от Алексея?

Она шла с другого краю и была почти не видна. Почти, поскольку не вся. С фигуристыми женщинами такое бывает.

– Алекс – имя по паспорту, родители удружили.

– Женат? – на всякий случай осведомилась Нина, когда ее взгляд не нашел кольца на нужном пальце.

– Уже нет.

– А что случилось?

Владислав покачал головой: настойчивость супруги выглядела неуместной. Но этот вопрос почему-то слишком волнует женщин, и Нине очень хотелось узнать хотя бы версию одной из сторон. Я не стал разочаровывать.

– Меня бросили. Людмиле нужен был кто-то с возможностями, а я жил своей жизнью и был доволен.

– Быть довольным тем, что имеешь – редкое качество. – Владислав явно ждал, когда же, наконец, обмен любезностями закончится.

– И редкое счастье, – прибавила его жена.

– Но мы здесь не для обсуждения личной жизни, – напомнил супруг. – Итак?

– Я вхожу в одну неформальную и даже закрытую органи-

зацию...

– И спокойно рассказываешь об этом посторонним? – как бы подловил меня на слове Владислав.

– Потому что ты, – я пристально посмотрел на собеседника, – один из нас.

– Любопытно узнать о себе что-то новое. И как давно я там – у вас?

– Не в том смысле, что у нас. Наша организация, назовем ее в данном случае «Движение за движение с уважением»...

– Как это – «назовем в данном случае»? – перебил Владислав.

– Истинное наименование известно только членам, а вы – не члены.

– Я член, – с грубовато-шутливым достоинством заявил спутник.

За что получил локтем в бок от своей половинки.

– Не член нашей организации, – внес я поправку. – Но название, которое я сообщил, достаточно передает идеологию и мотивы, чтобы войти в нее.

– Мотивы вроде бы понятны, – сказал Владислав. – А каковы методы?

– Самые действенные из существующих.

– Легальные?

– Исключительно. Участники дорожного движения – законопослушные граждане и должны законными путями бороться с теми, кто на законы плюет.

– Например?

Взор обаятельной супруги Владислава прыгал с меня на него и обратно. Она сгорала от любопытства. Наверное, ей казалось, что мужа вместе с ней в шпионы вербуют. Или в некую масонскую ложу с неизвестными целями втягивают. Короче, сплошная тайна и туман. Жуть. Красота. И – сквозило в ее глазах – интере-е-есно...

Ее муж был более приземлен, он ждал от меня конкретики.

– Например, ваш случай, – откликнулся я. – Вас нагло подрезали, создалась аварийная ситуация. Виновник подверг опасности жизни людей – как ваши, так и прохожих. А в случае, если бы не удалось справиться с управлением и вы рулить...

– Что было очень даже возможно, – подтвердил Владислав.

– ...или дети уже побежали бы через проезжую часть, ты стал бы убийцей. Однозначно. Даже не принимая во внимание, что перебежать они собирались в неполюженном месте. Но это никого не волнует, судят исключительно за результат.

Чувственная смущающая красавица, от которой мне то и дело приходится отводить наслаждавшийся ее естественным живым очарованием взор, кивнула:

– Скорее всего.

– Вас подрезали. Я увидел и остановился, чтобы помочь, если потребуется. Или чтобы стать свидетелем происше-

ствия, если события найдут слишком далеко.

Начиная понимать, Владислав действительно изумился:

– То есть, ты намеревался остаться, чтобы помочь физически или, если не потребуется, дать показания...

– Именно. Чтобы засвидетельствовать в протоколе факт, что ты не виноват. И что виноват тот, другой, по определенным причинам избитый тобой (ведь ты же избил бы его, правда?), и виноват очень сильно – потому избит сильно и совершенно правильно. Причем, в пределах необходимой самообороны. Я бы объяснил, что присутствовал с самого начала и могу, кстати, позвать еще несколько свидетелей. Это мои друзья, которые тоже случайно проезжали мимо и тоже все прекрасно видели. Вот, дескать, адреса и телефоны.

– Ты всегда так делаешь?

– Не я, а мы, наша организация.

– И часто такое бывает?

– К сожалению, козлов – не по рождению, а по жизни – на дорогах предостаточно. Многие, к тому же, являются членами своих гильдий-корпораций, которые так же по первому зову приходят на выручку своим. Так у сотрудников внутренних органов и у тех же таксистов. Или у дальнобойщиков. Впрочем, среди последних процент дорожных дебилов смертельно низок – моральные уроды там не задерживаются. Там таких сами учат.

– И что же, всегда получается?

Я не стал отрицать:

– Не всегда. Тогда берем массой. Подтягиваем резервы, задействуем связи.

– Наверное, и кулаками помахать придется? – Владислав хорошо знал нравы на дорогах.

– Бывает. Периодически достается так, что потом что-то пришивают, а что-то вставляют искусственное.

Я показательно улыбнулся в тридцать два идеально ровных циркониевых зуба, которыми обзавелся после одной законвосстановительной операции.

Странно, но именно это окончательно убедило моих спутников, и теперь они понимали, кто я и что могу.

– Вы думаете, что таким способом справитесь с дорожным хамством? – задали мне резонный вопрос.

– А вы знаете другие методы?

Мой ответ никого не удивил. Других действенных методов сегодня нет, собеседники это знали. Закон хаму по фигу, поскольку нет такой уголовной статьи как «хамство», и лишь объединенные действия граждан могут дать результат.

– Навести порядок где бы то ни было достаточно просто. Нелегко, но просто. Нужно повернуться к человеку лицом, а не тем, чем обычно, и довести до ума три основных момента. Первое. – Я начал загигать пальцы. – Возвести в абсолют тезис, что перед законом равны все, невзирая на положение, возможности, деньги, связи, и бороться за соблюдение этого правила простейшим методом: за одинаковые преступления с вышестоящих спрашивать больше. Работяге за взятку

– год, чиновнику – пять. За проезд по встрече опаздывающему на самолет курьеру обычный штраф, влиятельному человеку – тюрьма. Всегда. Без исключений. От бомжа до Президента.

В наступившем молчании я набрал новую порцию воздуха и загнул следующий палец:

– Второе. Неотвратимость наказания. Невзирая на. Укрывателю – втройне. Тому, кто попытается замять – впятеро. Кто вмешается на стороне брата, свата или за деньги – вдесятеро. Опять же, без исключений. Никакой неприкосновенности личности – ее придумали воры, убийцы и педофилы. Честному человеку неприкосновенность не нужна.

– Но... – попытался возразить Владислав.

Я знал, что он собирается сказать, и у меня существовал непробиваемый аргумент:

– Честного человека должен защищать закон. Закон, который не глядит на лица, равный для всех и хорошо исполняемый.

– Логично, – неопределенно пожал плечами собеседник, а его прекрасная супруга опустила взор на асфальтовую дорожку. Она была в небольшом шоке от вроде бы правильных слов, которые в королевстве кривых зеркал «прав личности» почему-то казались крамолой.

Я, наконец, загнул третий палец:

– Третье. Коренная ломка нынешней и постройка новой пенитенциарной системы.

– Ломка чего? – переспросила Нина, красивым жестом возвращая выбившийся над ушком локон на отведенное ему рукой мастера место.

– Принятой у нас системы наказаний. Сейчас она не перевоспитывает преступников, а плодит. Предоставляет им за государственный – наш с вами – счет знакомиться друг с другом, заводить нужные связи, обмениваться опытом.

– Уже начали реформировать, – возразил Владислав.

– Не реформировать надо, а ломать. Мертвому припарка не поможет, как и при вывихе – придерживающая повязка. Резать надо. Когда терапевт не справляется, требуется хирург.

– Или другой, более умудренный жизнью терапевт, – предложила свой вариант Нина.

– То есть, как говорят врачи, такой, который отправил на кладбище больше людей, – подхватил я мысль. – Иначе откуда у него опыт? Тогда, что же лучше: давать новым терапевтам свободу экспериментировать на нас и залечивать до смерти – или сразу резать гниющее?

– А кто будет определять, что резать, а что – нет?

Вот и задан основополагающий вопрос. Каждый пророк ведет к одному: выберите в поводыри именно его, дайте ему вожжи в руки, и будет вам «щасте». Только не перепутайте: лишь ему! Только он один знает ответы на все вопросы. Только он умеет без осечек отделять здоровое от заразного, и только он правильно понимает разницу между ними.

Я не попался на давно известный крючок. Не стал говорить про редкий подвид правильных и особенных, таких, как здесь присутствующие, в первую очередь имея в виду себя. Не стал восхвалять свою организацию, которая наводит порядок пока вроде бы только на дорогах. Я ответил просто и логично:

– При реформах или постройке нового необходимо понять главное, то, о чем даже помыслить невозможно в обществе, где преступники лезут во власть, чтобы иметь больше возможностей для новых преступлений и способов избежать ответственности. А именно: аксиому, что преступник не имеет прав. Да! Невзирая на все Гааги и прочие Страсбурги. Мы хотим, чтобы в первую очередь соблюдались права жертв, а не преступников.

– Правозащитники проклянут вас за это святотатство, – с задорным плутовством улыбнулись краешки глаз вновь опустившей лицо красавицы.

– И пусть! Потому как упомянутые самодуры и самодурки – просто куски идиотов, они не сталкивались с настоящей жизнью. Когда у человека убили мать, зарезали жену, посадили на наркоту сына, изнасиловали дочь, он не пойдет защищать права подонков, которые совершили это. Он потребует ветхозаветное «зуб за зуб». Вспомните, о чем три четверти фильмов-боевиков, на которые народ валом прет: о том, как лихой герой кроваво разделался со всякими гадами, которые с помощью удобного закона творили, что хоте-

ли. С кем хотели. А именно – с нами. С такими, как мы, с каждым из нас. Никто не олицетворяет себя с законниками или власть имущими, только с жертвами. И – с непременным огнем в глазах и ощущением счастья – с мстителями.

– Логично, – умом согласились со мной собеседники.

Мы шли по неширокой дорожке, и я чувствовал отстраненное неприятие: правильно, мол, парень говорит, мы и сами так думаем, и еще девяносто девять процентов населения – тоже. Но когда же в истории были времена, чтобы идеальные системы побеждали и претворялись в жизнь? Никогда. Всегда и всюду все заканчивалось кровью. Или, как более жизненный вариант, очень большой кровью – в борьбе новых мух за место на гноящейся ране. Как и с неполучающимся подставлением второй щеки у большинства вроде бы убежденных христиан, здесь тоже включается пресловутый человеческий фактор. Все идеальное – совершенно, то есть совершенно нежизнеспособно. Непрактично. И, что более всего обидно, очень кроваво при попытках воплощения. Но я не сдавался:

– Понимаете, преступник сам лишает себя прав личным решением преступить установленные обществом законы. Он ставит себя вне их. И о чем тогда говорить?

С этим вроде бы все были согласны. На словах.

– Что же ты – или вы как организация – предлагаете? – остановился на главном Владислав.

– Не поверите. Меры уж больно радикальные.

– Всех виновных расстреливать? – предположил он. – Или вешать? Так, наверное, будет нагляднее. Преступление и наказание – все на виду. Так, что ли? Было, господа, было.

– Нет, – впервые за несколько минут я улыбнулся. – Для того, чтобы наглядно повесить, сначала тратится уйма государственных денег на то, чтобы найти, задержать, просто довести дело до суда...

– Но тогда – что?

Вот теперь я их действительно заинтересовал.

– Для начала – всех преступников объявить вне закона.

– А сейчас разве не так?

– Нет. Категорически. Для примера. Давайте представим на миг ситуацию, которая могла произойти всего двадцать минут назад: допустим, вы сбили перебежавших в неположенном месте детей. Кто виноват? Вы?

– Ну... – замялся Владислав.

Дескать, не он, конечно, но ведь это – дети!

Я понимал его затруднения и выложил самое правильное, что можно сказать в этом случае, но что никто не рискнет сказать с правительственной трибуны:

– Я предлагаю (только не бейте сразу!) пешехода, который переходит в неположенном месте, целенаправленно давить на месте.

Часть вторая. Течение заболевания

1

Сейчас неплохо бы вернуться немного назад, чтобы понять причины и следствия той чехарды событий, которые мной играли. Честное слово, я ненадолго. Только самое необходимое.

Это произошло за день до недобросовестно вырлившего такси и за два дня до того, как меня убили. Да-да, сначала морально, когда уничтожили все, чему я посвятил жизнь (чем доказали мне, что нужно было поступать наоборот), а потом и физически. Ну как убили: взрезали живот так, что потроха на брюки высыпались, и бросили одного беседовать с Богом. Еще, наверное, дали время, чтобы успел рассказать вам случившуюся со мной историю. Если задуматься, то очень поучительную. Впрочем, любое событие поучительно, если уметь думать.

Ну, теперь о событиях, которые предваряли описанное выше. Вчерашнее совещание у шефа, на котором я вроде бы «последний раз» видел Жанну, находилось в самом разгаре.

– Кофе? – Лицо ничего не боявшейся плутовки склонилось ко мне, искрясь многозначительностью связывавшей нас тайны, вырез «строгого» костюмчика провокационно от-

топырился, отчего ладони заняли фантомными болями.

«Строгий» я взял в кавычки, потому что стандартный офисный комплект из серой юбки ниже колен и белой кофточки Жанна умудрялась носить так, будто это вечернее платье, а сидевшие за столом сотрудники – компания на вечернем приеме у знаменитости. Упругие бедра под мышиным покрывалом ткани играли и пели, лукавые глаза смеялись, а чудовищный вырез, в котором утонул мой ставший на миг невменяемым взор... туда мгновенно втянулся и задохнулся от воспоминаний я весь.

Вне служебных отношений мы не пересекались с Жанной больше трех месяцев. Нечего говорить, как я соскучился.

Гипнотизирующий туман знакомых выпуклостей замер надо мной в ожидании, сгущаясь, вырастая и словно готовясь выплеснуться.

– Кофе? Да, пожалуйста, если не трудно, – промямлил я.

Глаза старательно глядели на шефа, только на шефа и ни на что, кроме шефа. А он искренне забавлялся ситуацией. Да, он все видел. Причем, всегда. Иначе не был бы шефом. Тому, кто не замечает очевидного, я не доверил бы собственные жизнь и судьбу. Но сейчас, с точки зрения Борисыча, проказница-секретарша разбавляла суровую атмосферу совещания мелкими шалостями, помогая нам не забыть, что мы люди.

Но мы не только люди. Все собравшиеся здесь соратники, за исключением кокетливо разносившей напиток секре-

тарши, были мужчинами. Самцами. То есть, существами, которые однозначно и предсказуемо реагировали на подобные игры. Но если других, тоже небезосновательно предполагавших связь шефа с его протеже, это лишь взбадривало, останавливая от последующего опасного шага...

В свое оправдание хочу сказать, что шаг в свое время сделал не я.

2

Честное слово, ничего подобного у меня в мыслях не было. Так получилось. Только что освободившийся, тогда я шел за ней по городу, не зная, куда меня ведут и зачем. Но шел. Она смеялась, говорила мимоходом о глупостях, а ноги тем временем двигались в сторону только что сданной новостройки, куда мы и зашли после того, как Жанна набрала код на домофоне. В лифте напускное веселье испарилось.

– Куда мы идем?

– Потерпи еще минуту. – Ее глаза заволокло непроницаемой дымкой.

Жанна что-то скрывала. Что-то важное. Нечто такое, что напрямую касалось меня. Совместный поход начался по ее просьбе и больше походил на требование, но выбирать не приходилось. Движение в неизвестность одновременно подстегивало и нервировало. Жанна ничего не объяснила, вопросы пресекались на корню, и следовать за ней звала лишь загадочная улыбка. Мона Лиза, блин перловый. Так улыбаться человеку, за которым только что закрылись ворота неприятного госучреждения, просто опасно.

Оказалось, что лифт можно не вызывать, этаж нужен всего лишь третий, а возраст обоих позволял и даже подстегивал к движениям.

Пустой гулкой холл невероятных размеров на месте при-

вычного пяточка лестничной площадки поразил. Чувствовалось, что здание строилось для состоятельных людей.

Жанна полезла в сумочку.

– Держи, – она радостно плюхнула мне в ладонь связку ключей. – Это тебе. Подарок от Бориса. Документы получишь позже, в конторе, когда подпишешь.

Ее подбородок указал на дверь под номером девять.

– Мне? – не поверил я. – Квартира?!

– Нужно же тебе где-то жить?

– У меня есть деньги...

– Ага, знаем: половина стоимости, за которую твоя Людмила продала жилье перед отъездом. Не смехи людей, теперь это не деньги.

– Но как же я...

Жанна перебила:

– Как вернешь? – У нее в глазах плясали веселые чертики. – А не надо возвращать. Я же говорю – это подарок.

Загораживавшая дверь, она отступила с прохода, и падавший сбоку свет пронзил ее легкое платье. Обратил в ничто. Прорисовал детали, вылепил прелести и достоинства. Чувственно остановился на подробностях. Подчеркнул колдовское совершенство. Мое сознание заполнило цветной штриховкой подзабытых ощущений – тревожных и приятных. В конце концов, жена ушла так давно...

– Бесплатный сыр, как известно, бывает только... – начал я старательно стыковать мысли со словами, а те – со смыс-

лом.

– Алекс, – Жанна шагнула ко мне вплотную, почти касаясь грудью и чуть приподняв лицо, чтобы смотреть прямо в глаза, – теперь твое дело – просто жить по тем принципам, которые ты считаешь правильными, и учить окружающих жить так же. В этом твое предназначение. Борис умеет смотреть вперед, и он хочет, чтобы ты мог сразу окунуться в работу. Теперь вы соратники. Он очень надеется на твою помощь.

Мой голос дрогнул:

– Я не подведу.

В горле возник комок.

– Вот и отлично, – улыбнулась Жанна. – Тогда...

Она выхватила у меня ключи, отперла дверь и распахнула настежь. В нос ударило запахом свежего ремонта.

Я стоял столбом, не в состоянии что-либо предпринять. Жизнь слишком ускорилась, мысли не поспевали за взятым темпом. Еще час назад мне оформляли документы, полчаса назад я радовался открывшимся пространствам и летнему солнышку. Нельзя вываливать на человека столько и сразу. Психика – как Восток, то есть дело тонкое, с ней надо обращаться осторожно, иначе...

Лукавый прищур Жанны не оставлял сомнений, что очередное «иначе» уже на подходе:

– По поверьям, первой в новый дом нужно пустить кошку. В легком замешательстве я огляделся. Кошек не было.

Неужели в сумочке спутницы помещается еще и...

Нет. Жанна изящно прогнулась, грудь, сводившая с ума уже своим присутствием в одной со мной Вселенной, выпятилась, а роскошная попка оттопырилась.

– Мурррр... – прозвучало сладко и, если сказать мягко, неожиданно.

А если не смягчать, то просто вогнало в ступор.

Чуть отвернувшись, но косясь на меня шалопутными глазами, Жанна медленно опустилась на четвереньки. Прямо на бетонный пол, голыми коленками и нежными ладонями. Я стоял, пришибленный обстоятельствами и совершенно не готовый к такому повороту сюжета, и всей собранной в кулак волей строил внутреннюю стену между собой и реальностью...

Стена отказываясь возводиться и рушилась. Сердце обмерло. Душа натянула защитное одеяло по самые глаза, пряча от происходящего... но не желая пропустить продолжения.

Грациозно переставляя конечности, моя кошечка миновала порог и двинулась дальше по коридору. Искушающие бедра раскачивались вверх-вниз, вправо-влево, снова вверх-вниз и вправо-влево, все выпуклее, все нахальней и (неужели?!) приглашающе...

Ноги сами внесли меня следом. Это было последнее, что я помню, прежде чем провалиться в мир без мыслей.

Потом мы сидели, переплетаясь коленями, в наполненной

ванне и изучали друг друга бегавшими по коже пальцами – словно соревновались, кто больше выльет на другого ласки и нежности. Ванна, пар, напарница со всеми девичьими прибабасами – мягкими, уютными, доступными рукам и не рукам... Отсутствие чужих взглядов и распорядка... Что это, если не материализовавшееся счастье? Многие, с кем довелось сидеть в изоляторе, ради одного такого вечера согласились бы на полноценный срок.

Жанна вдруг прыснула в ладонь:

– Тебе очень из-за меня досталось? Я говорю про день нашего знакомства, когда ты пустил помыться.

– За что? Я не совершил ничего, что не укладывалось в рамки человеческой взаимопомощи. Людмила пришла поздно, она и не узнала, что дома был кто-то посторонний. С этой стороны все обошлось.

Двусмысленность не осталась незамеченной.

– А с других сторон?

Моя прелестница пошевелила ногами. В тесной посудине это вызвало волнение, причем двойное, второе произошло с моими задетыми инстинктами. Захотелось вновь накинуться...

Стоять, поручик, времени хватит на все – дама ясно дала понять, что никуда не торопится. Торопливость, как известно, нужна исключительно при ловле блох. Счастье – это никуда не спешить.

– Дело в том, что я сам накручивал себя по этому поводу –

что помощь попавшему в беду незнакомому человеку теперь выглядит со стороны чем-то меркантильным, что совершают лишь с эгоистичной целью.

– А разве не так? У тебя ни разу не возникла мысль воспользоваться обстоятельствами?

Моя речь обычно изобиловала книжными выражениями – дурная привычка, сохранившаяся с учебы. «...Меркантильным, что совершают лишь с эгоистичной целью...» Кошмар. Только со стороны понятно, как дико это звучит. Будто чиновник читает речь, смысл которой – не ответить на вопрос, а запутать спросившего. Жанна разговаривала проще, но она подстраивалась под собеседника. Я уверен, что только со мной у нее высказывали все эти «возникла мысль воспользоваться обстоятельствами» – чтобы говорить на одном языке. Так в разговоре с выходцами с Кавказа машинально повышается тон и четче произносятся слова, а где-нибудь в глубинке Костромской или Вологодской области хочется заокать вместе с окружающими.

Я плеснул в Жанну веером брызг. Она увернулась, колыхнув водную поверхность сахарными островами, через борт хлопбыстнуло рассыпавшейся по полу волной.

– Скажешь, что предложил попавшей в сложную ситуацию симпатичной девушке помыться, привести одежду в порядок, отдохнуть, выпить чаю и прийти в себя – и все это из чистого альтруизма?

– Безусловно.

Я не понимал, как может быть иначе. А собеседница, положив ладони поверх выпиравших из воды коленей и глядя прямо в глаза, не соглашалась. То ли действительно так считала, то ли подтрунивала.

– Это обычное сочувствие, которого в нашем мире становится все меньше, – объяснял я не верившей в мои чистые помыслы притягательной негоднице. – У человека стряслась беда. Человеку требовалась помощь. Я вызвался помочь в меру возможностей. Что неправильно?

– Все правильно. – Ответный водяной веер оказался неожиданным и попал мне в рот. Жанна рассмеялась. – Только в очередной раз отмечу, что ты – мужчина в расцвете сил, а человек, которого ты облагодетельствовал – роскошная красавица!

– Но разве красавица – не человек? И разве мужчина – всегда только охотник, который ищет новой добычи, этаким озабоченный самец, который не думает ни о чем, кроме всемерного удовлетворения своей плоти?

Вместо ответа Жанна плюхнула руки вглубь водной глади, нащупала предмет разговора и через несколько бесподобных секунд игриво спросила:

– Это – эксперимент. Ты можешь думать сейчас о чем-нибудь постороннем?

Меня так просто не сломать. Я гордый и не такой как все, к сожалению. Сожаление, понятно, выражаю по поводу, что именно все другие не соответствовали моим стандартам.

– Давай спросим иначе.– Я довольно невежливо отстранился. – Что ты сделала бы на моем месте при аналогичном... то есть, прости, противоположном раскладе? Ага, задумалась? Чувствуешь, что ответ как бы на виду, а сразу ответить не дает что-то внутри? Вот и суммирую: прогнил наш мир, если помощь страдающему вызывает столько раздумий и внутренних противоречий. Хирург ему нужен, чтобы вырезать раковую опухоль недоверия и равнодушия.

Зря я углубился в этот спор, зря затеял неуместную риторику. Жанна заскучала. Но у нее проснулся новый интерес:

– Ты видел меня тогда в ванной? – Ее глаза искрились шаловливым задором. – Скажи честно: видел?

– Ну... – замялся я.

Тонкие ножки резко стукнули с обеих сторон по моим:

– Только честно!

Пришлось опустить лицо:

– Видел. Случайно. Я принес полотенце и халат, протянул, позвал, а ты не слышала.

– И как я тебе показалась?

– Нет слов, – искренне признал я, не вдаваясь в подробности.

– Что при этом думал?

– Честно? Боялся напугать. А то: в чужой квартире, с незнакомым мужчиной с неизвестными намерениями...

– Ой-ой-ой, такими уж и неизвестными, – хихикнула Жанна.

Мне был ненавистен юмор такого рода. Я гнул свое:

– Не хотелось даже думать, в каком виде выставлю себя, как бы терявшего отстраненную роль хозяина, которому нет дела, кому помогать – попавшему в беду горемыке-старика или такой вот сексапильной молодой девушке.

– Потому что сексапильная девушка может отблагодарить?

– Именно. Меня бил озноб от мысли, что ты решишь, буд-то я – такой.

– Ты не такой, – со всей ответственностью произнесла Жанна и взяла мои руки в свои. – Когда я тебя потом сознательно провоцировала, ты не повелся.

Плюшевые ладошки поднялись с моих рук и погладили лицо. Потом переползли на плечи. Потом...

– Кстати, еще один момент насчет того дня. То, что я случайно забыла, оно... – Жанна замерла на полуслове.

– Ты что-то у меня забыла?

– Нет, ничего. Видимо, перепутала.

– Ты никогда ничего не путаешь. – Я почувствовал, что меня собираются обмануть. – Выкладывай. Что ты у меня забыла?

Губы Жанны растянулись в глупой, но очаровательной улыбке:

– Трусики.

Оп-па.

– Где?

– Кажется, под комодом, – рассеянно пожала плечами Жанна.

Вот так так. Чужие женские трусики у нас дома... а Людмила ничего не сказала. Не найти не могла, в последнее время она помешалась на чистоте. Почему же?

Получается – приберегала в качестве козыря? Зачем? Единственный ответ – имела грешки более значительные и этими вот трусами хотела прикрыться, если ее выведут на чистую воду.

Черт подери, лучше бы не знал.

– Забыла, говоришь? – Я резко отодвинулся.

Жанну это не смутило.

– Дурачок. – Она снова придвинулась. – Ты мне сразу понравился. Твоя галантность, стеснительность, принципиальность... А разговор о браке – помнишь? «Именно брак – счастье, а не что-то иное, чего все ищут, но все равно не находят...» Ты сразил меня наповал. И покорил. Сразу. Обычно мужчины не думают так о браке, но именно это – истинно по-мужски. Даже больше, чем по-мужски, если считать, что мужчина – не разовый озабоченный самец, а герой и защитник.

– А вот это... кошечкой... Тебя шеф попросил?

Лицо Жанны застыло и побагровело.

– Прости. – Я прижал к себе ее напрягшееся до твердости металла тело.

Оттаяла Жанна только после долгих усилий с моей сторо-

ны.

А на вопрос так и не ответила.

Она больше никогда не приходила ко мне. Но это не значит, что отношения прекратились и встреч больше не было. Наоборот. Они были редки, происходили всегда второпях, на ходу, на бегу, урывками...

Мы оба были очень занятыми людьми.

Бурная дискуссия за столом разгоралась. Борисыч требовал результатов, ребята требовали денег, времени и свободы маневра. Я клевал носом. Дальнейшее было мне неинтересно. Главное сказано, а оставшиеся подробности меня не касались. Скорее бы выйти на улицу, вдохнуть полной грудью, зажмуриться, подставив лицо жарящему светилу...

Жанна принесла кофе. Дерзко поставила чашку прямо на стопку бумаг, повернув ручкой строго перпендикулярно моему носу.

– Не спи, замерзнешь, – толкнуло меня ее тонкое плечико.

Встрепенувшись, я увидел, как на поставленной передо мной чашке быстро расплывается, растворяясь в светлеющей черноте, написанный сливками знак бесконечности... нет, поскольку поставленный для меня вертикально, то – цифра восемь.

Меня бросило в жар. Я не смог не покоситься в сторону отошедшей Жанны. Но... Игриво подпрыгивая, ее круглая попка задорно дефилировала к соседям по совещательному столу, прощаясь со мной на несколько долгих, полных предвкушения, тягучих часов.

Соблазнительная вредина даже не обернулась, чтобы посмотреть, разглядел ли я послание.

Что ж, в восемь, значит, в восемь. И, поскольку не огово-

рено остальное, то – в пустующем доме ее родителей.

– Это вы можете решить сами, – завершил шеф заседание. – Свободны.

А далее, как в фильме про Штирлица, суровый взор остановился на мне:

– А ты останься.

Вот и настал твой черный день, Алекс Акимов. Сейчас кое-какие грешки, для себя почему-то казавшиеся простибельными, выплывут на чистую воду и узнают себе истинную цену.

– Долгопурова знаешь? – Шеф удивленно последил, как прямо у него на глазах распрямилась моя непонятно откуда взявшаяся сутулость, и расправились плечи.

Выдохнув порцию застоявшегося воздуха, я ожил и внутренне собрался. Долгопуров? Кто же в городе его не знает? Одна из ключевых фигур местной власти, депутат, в свое время удачно присоседившийся к нужным людям и получивший немалые доли почти во всех предприятиях региона. Стремится в Москву. Иногда помогает нашей организации своими возможностями, но лишь по большой необходимости: боится афишировать связь с людьми, которые понимают порядок и справедливость несколько по-другому. А нам приходится стесняться денег от такого человека.

– Знаю, – подтвердил я и проинформировал о подробностях: – Год назад после звонка из офиса я помог ему разругать ситуацию с ребятами Идриса: водитель Долгопурова

развернулся на красный, а те гнали по встречной. Наше вмешательство позволило обойтись без стрельбы и лишнего напряжения в городе.

– У него опять неприятности. Понимаю, что не твой профиль, но ты же у нас на все руки мастер?

Похвала всегда приятна, однако нет особого желания помогать людям, которые и без меня могут все. Это ж надо уметь влезть в дерьмо, из которого при почти неограниченных возможностях самостоятельно вылезти не в состоянии. Если бы не участие чем-то заинтересованного Бориса Борисовича, я однозначно сказал бы: «Увольте, это не мое». Правда, за такую отповедь действительно могут уволить.

– Что нужно сделать?

Я не стал делиться с шефом итогами мыслительного процесса, неутешительного для избранного представителя власти. Причем, «избранного» – не от слова «выборы», а от того, что подобные ему считают себя Избранными – вот так, с большой буквы. То есть, не такими как все. Повелителями мира. И чем круче себя воображают, тем больше позволяют себе такого, что классу пролетариев-плебеев-морлоков сразу тюрьмой аукается. Когда мои возможности еще немного вырастут, такие Избранные отправятся на свалку истории. Но это в будущем, а пока приходилось сотрудничать и даже помогать, поскольку помощь была взаимной.

– Что случилось, он сам расскажет, – сказал Борисыч, – а что сделать – решишь на месте. В общем, я на тебя надеюсь.

Через полчаса он ждет тебя в своей приемной.

Выехать сразу не удалось, ко мне пришли посетители. Я решил, что успею, и согласился поговорить – иногда отложенный разговор стоил людям жизни. Бывало, к сожалению.

– Пропустите, – сказал я охране внизу. – В переговорную комнату.

Там будет лучше, чем в моем кабинете, больше напомним проходной двор из-за сновавших туда-сюда соратников, то и дело забегавших со своими большими и малыми нуждами (в хорошем смысле).

Я встретил посетителей у лестницы и отпустил сопровождавшего охранника.

Один из двоих пришедших был мне известен. Василий Дмитриевич – следователь, он частенько снабжал моих ребят информацией, которая «не для общего пользования». Василий Дмитриевич пожал мою протянутую руку и указал на спутника:

– Громынин Сергей Сергеевич, мой давний друг. Человек бизнеса, к представляемой мной структуре отношения не имеет.

– Алекс, – представился я, пожимая еще одну ладонь, небольшую, но жесткую.

– Сергей.

– Проходите.

Они прошли внутрь переговорной. Сели. Василий Дмитриевич прокашлялся:

– Алекс... В качестве ответной услуги... Я же никогда тебе не отказываю...

– Какой разговор! – прервал я его мучения. – Пришли ко мне – значит, знаете, как я работаю. Если в том, что произошло, обнаружится вина клиента – я выберу не покой клиента, а справедливость, и конечный результат вмешательства может оказаться даже хуже, чем был до обращения ко мне.

Громынин кивнул.

– И еще, пока не начали, – добавил я. – В полицию со своим вопросом обращались?

– Три месяца назад.

– Результат?

– Нулевой.

– Понял. Слушаю.

– Все просто, – сказал Сергей Сергеевич, бизнесмен не самого высокого полета, судя по связям не выше Василия Дмитриевича и костюму от китайских умельцев. – У меня угнали машину. Три месяца назад. Перехватили на въезде в гараж, стукнули по голове и уехали.

– С этим могли бы просто позвонить. – Я взглянул на часы, прикинул путь, который предстояло проделать для выполнения задания шефа, отсчитал себе две минуты и принялся за дело. – Назовите марку, модель, год выпуска, цвет, идентификационный номер.

На стол лег подготовленный листок-распечатка. Я открыл на планшете базу данных автоинспекции, ввел данные и запустил одну хитрую программку. Программа была простейшей, как табуретка.

– Вот адрес, по которому с вероятностью в девяносто девять целых девяносто девять сотых процента теперь зарегистрирована ваша машина. – Выданный результат отправился в принтер на печать. – В соседней области. Съездите, посмотрите. Если царапины или какие-то другие особенности подтвердят, что автомобиль тот самый, будем действовать дальше. Полиция не поможет, у вас просто не примут заявления. Новый хозяин, возможно, вполне законопослушен и понятия не имеет о криминальном прошлом приобретенного имущества.

Василий Дмитриевич улыбался. Он никогда не знал, что я сделаю, чтобы помочь человеку, но в эффективности помощи не сомневался.

Держа в руках распечатанный адрес, Сергей Сергеевич не верил глазам. Мои пассы над электронным помощником произвели неизгладимое и необъяснимое логикой впечатление, а меня самого приняли за волшебника или экстрасенса. Или, в крайнем случае, за величайшего хакера.

– Ничего сложного, – объяснил я. – Среди зарегистрированных в последнее время автомобилей этой марки компьютер выбрал те, ВИН-коды которых почти совпадают с вашим. Например, цифра один стала четверкой, тройка – восьмер-

кой. Вываривать идентификационный номер целиком, чтобы заменить другим – долго и муторно, угонщики стараются не заморачиваться. Намного проще добавить к одной цифирке пару штрихов.

– И вы так просто выяснили...

– Не так просто. Большинство угнанных машин находят уже на этом этапе, но в вашем случае ответ был отрицательный. Тогда компьютер проверил регистрацию машин указанной марки с номерами кузова, которые в базе данных производителя отсутствуют или присвоены другой модели, другому цвету или выпущенному не в указанном году. И ваша потеря нашлась.

– Действительно, просто, – хмыкнул следователь.

– Но данные немецкого автогиганта... разве они в свободном доступе? – удивился Сергей Сергеевич.

– Вы удивитесь, но да. Сделать такую проверку может любой, у кого есть доступ к гаишной базе данных.

– Кроме самих гаишников.

– Почему-то да. – Еще один взгляд на часы заставил меня поторопиться: отведенные две минуты были на исходе. – Простите, спешу.

– Спасибо! – Вскочивший Сергей Сергеевич стал трясти мою руку.

– Еще не за что. Удостоверьтесь, что это ваша машина, и если все подтвердится – найдем тех, кто перепродал, а через них выйдем на перебивщиков номеров и угонщиков. Мы по-

работаем с ними, уговорим больше так не поступать, потому что это плохо, и раскаявшиеся грешники принесут компенсацию. Тогда сможете поблагодарить.

Передав воодушевленных гостей охране, я бросился вниз.

Дорога заняла минуты, гораздо больше времени ушло на оформление пропуска, согласование и проверку на тему, можно ли допустить такую птицу непонятной породы пред светлы очи с а м о г о.

Секретарь – обыденно-стандартная в таких случаях крашенная блондинка с выпирающими сверху и снизу мощными якорями, которыми крепко держалась за должность – угодливо улыбнулась: ей сообщили уровень гостя. Дверь передо мной распахнулась, и, миновав чистилище, я оказался в райских кущах истинного народовластия.

Долгопуров Евгений Вениаминович, обрюзгший, с жирной родинкой над правой бровью, в непомерно-дорогом костюме (увы, теперь и я разбираюсь) и с «Брегетом» на запястье (уж, поверьте, не с ближайшей барахолки), бросил карикатурному гориллообразному охраннику:

– Мить, погуляй пока, – и, далее, уже мне: – Алекс, если не ошибаюсь?

– Не ошибаетесь.

Уважительно отворивший передо мной двери охранник подождал, пока я войду, и старательно прикрыл дверь с другой стороны.

– В чем проблема? – спросил я, не обращая внимания на жестом предложенное кресло. Задерживаться я не собирал-

ся.

Долгопуров пошевелил губами и растянуто-хрипло выдал:

– Шантаж.

При его недостатке и положении – логично. Райские облачка благополучия разлетелись рваными ошметками, солнце уверенности и значительности сорвалось с крючка и рухнуло к ногам незадачливого декоратора. Реальность прорвалась сквозь дым старательно насаждавшегося миража. Ибо – нефиг. На каждую силу всегда найдется другая сила.

– Почему обратились к нам, а не в полицию?

Брови Евгения Вениаминовича собрались в кучку, веки чуточку опустились:

– Не хочу поднимать шум.

– Понятно. Рассказывайте.

Он дважды качнулся в мягком кожаном кресле в разные стороны, чтобы удобнее расположить телеса, и вздохнул:

– Девчонка. Семнадцать лет. – Вызвавший колыхание щек резкий кивок указал на листок с адресом и общими сведениями. – Ее мамаша требует миллион, иначе – суд.

У меня все упало. Раскалилось. Запылало.

Почему Борисыч поручил *это* мне?

Первый порыв был вспылить, бросить все к чертовой матери и уйти, хлопнув дверью так, чтобы косяк развалился.

Я переборол порыв. Тогда включились мозги. Ведь поручил же Борисыч зачем-то? Зная меня, историю моей жизни

и принципы...

Мой голос почти без сознательного участия задал еще один главный вопрос:

– А... гм... действительно было?..

– Да, – обреченно кивнуло мне сытое лицо, и новые волны пробежали по отвислым щекам. – Но совсем не то, что ты думаешь.

– Попрошу не тыкать, – огрызнулся я, – мы с вами на брудершафт не пили.

Депутат проскрипел зубами, но установленные мной правила принял.

– Это не то, что вы думаете. Она... сама.

Ну да, сама. Конечно, сама. А как же. Если он – депутат... Кто бы сомневался.

– Алекс, ты... гм, вы... поговорите с ней. Сами все поймете.

Обязательно поговорю. Теперь не смогу не поговорить. Раз уж такое дело поручили мне...

– В свои шестнадцать она выглядит как взрослая.

– Стоп, – прервал я. – Все-таки, семнадцать или шестнадцать?

– Скоро будет семнадцать, – хмуро уточнил Долгопуров. – Через пару месяцев. Но это роли не играет.

Да, шестнадцать или семнадцать – все равно, статья одна и та же.

– Миллион за вашу свободу – считаете, это много?

– На кону стоит не свобода. – Грузное тело передо мной жутко надулось и через секунду выпустило громкую струю воздуха, как кит свой фонтан. Оставалось порадоваться, что это произошло через рот. – Репутация. Я хочу, чтобы дело не получило огласки в любом случае, поэтому лучше заплатить еще и вам. Деньги в данном случае роли не играют, мне нужна гарантия конфиденциальности.

Очередным его вздохом меня чуть не смело.

Он сказал: «Репутация». Мне стало смешно. Для человека, который дорвался до безнаказанности...

Я видел, что за необходимость оправдываться депутат ненавидит меня всеми фибрами души, но сейчас он зависел от меня. Не столько от меня лично, сколько от конторы, которую я олицетворял, и это удерживало Евгения Вениаминовича в узде, не давая взорваться.

«Что сделать – решишь на месте» – сказал мне шеф. Вот и ладненько. Решу. Сам. И меры приму такие, какие сочту нужным. Наверняка, не те, что в сказочном сне мерещились напыщенному нанимателю. Меня послали разобраться – вот и разберусь. Закон един для всех, иначе это не закон. Об этом Борис Борисович не забывал, поручая какое-нибудь дело именно мне. А еще, как вдруг подумалось, шеф, должно быть, желал, чтобы я лучше присмотрелся к житью-бытью нервно дышавшего передо мной уважаемого человека. Народного избранника. Слуги народа.

Почему? Потому что меня шеф тоже прочил в депута-

ты. Народный защитник, молодой, красноречивый, интеллигентный, ничего общего не имевший с набившей оскомину прежней номенклатурой... Чем не герой для нового поколения? В моем случае даже судимость играла в мою пользу. Человек, осужденный за борьбу с преступностью... Это было круто. ореол борца, защитника, олицетворение вечной мечты обывателя, который сам ничего делать не хочет или боится, и только ждет, что кто-то придет и сделает за него.

Вот я и пришел.

Действительно, за меня могли бы проголосовать. За мной могли пойти. Мало того, за мной уже шли.

Тогда... почему не попробовать? Ведь намного удобнее вести государственную машину рулем, чем бросая палки под колеса или присыпая ямки, прекрасно при этом осознавая, что этих ям – миллионы.

Выйдя от Долгопурова, я сделал несколько звонков и поехал по указанному адресу.

Деревянная восьмиквартирка сталинских времен зияла оскалом разбитых окон. Взгляд еще раз упал на листок – адрес был правильный. Осторожно ступая сквозь хлам по стержовому визгу досок, я пробился к нужной квартире.

Звонка не было. Несильный стук в дверь чуть не рассыпал ее и результата не дал. Я использовал последнее средство – крик:

– Простите, здесь живет Зинаида Григорьевна Манько?

Похоже, дома никого нет или меня не слышат, но упорство вознаградилось: через пару минут, когда я собрался повторить воззвание, внутри послышалось приближавшееся шарканье:

– Чего надо?

– По поводу вашей дочери Оксаны, – сообщил я намного тише.

Незачем посвящать посторонних в тонкости дела.

Оказавшаяся незапертой дверь распахнулась так, будто ее ударили ногой. Обитое ромбиками дерматина плотно просвистело около моего носа. Около – потому что я успел отпрянуть.

– Ну? – Осунувшееся злое лицо глядело на меня испод-

любя, словно прожигая классовую ненавистью. – Я Зинаида. И чо?

Вид за ее спиной сообщил, что здесь пили, причем пили много и долго. И часто. И не в одиночку, в районе окна с зашпакелованными занавесками поверх ящика с бельем лежали толстые волосатые ноги. Одна нога приподнялась и заскорузлым ногтем почесала вторую в районе голени. Скрип донесся даже сюда, на лестничную площадку.

Я вернул взор на подозрительно разглядывавшую меня Зинаиду Григорьевну. Она оказалась достаточно молодой женщиной, возрастом чуть за тридцать, то есть ненамного старше меня, но жизнь наложила на нее отпечаток.

– Я от Долгопурова.

– Деньги принесли?

– Нет. Меня попросили разобраться в обстоятельствах дела, и если все окажется именно так, как вы говорите...

Мне не дали возможности рассказать, какой я хороший и как собираюсь сыграть в этой партии на стороне пострадавшей.

– Что еще задумала эта мразь?! – завопила женщина на весь дом. – Что ему еще нужно? Я все сказала! Моральный вред! Пусть несет деньги! Он сломал жизнь ребенку! Он – преступник!!!

– Если он преступник – почему вы не обратились в полицию? – улыбнулся я, сам удивляясь своей выдержке.

Внутренний голос при этом раз за разом цитировал

Карлсона, который живет на крыше, повторяя для себя в тщетной попытке убедить: «Спокойствие, только спокойствие!»

– Вы мне тут словами не играйте! – взревела Зинаида, распахивая себя еще больше. – Этот высокопоставленный ублюдок... я его в порошок сотру! Запомните, мне терять нечего!

Она старательно вгоняла себя в истерику. Видимо, надеялась произвести этим более грозное впечатление.

– Полиция именно для таких дел и существует, – объяснил я.

Женщина меня не слышала или не слушала.

– Не парьте мне мозги! У него везде все куплено.

Боже мой, ведь – почти ровесница, а как выглядит... И как живет...

Интересно, проголосует она за меня, когда увидит на плакате или по телевизору? За меня вот такого, каким выгляжу на чужой непредвзятый взгляд – в тщательно подобранном костюмчике, пахнущего успехом, деньгами и мыслями?

– Не будет денег – он будет сидеть за решеткой! До президента дойду, но добыюсь, так и передайте своему хозяину!

Я не обиделся на «хозяина», уже привык выслушивать брань, относившуюся к другим.

– Вы можете рассказать, что именно совершил Евгений Вениаминович? Что он сделал?

– Вам разжевать, нормального языка не понимаете? Может, еще и показать? Он совратил мою несовершеннолетнюю

дочь! У меня есть улики! Но они не здесь, не-ет... – осклабилась женщина, улыбкой напоминая клавиши рояля – из желтоватых целых нот с осязательным вкраплением чернеющей пустоты диезов и бемолей.

Я уже принял для себя решение. Депутата не жалко. Впрочем, эту женщину, стремившуюся нажиться на беде дочери – тоже.

В моем кармане крякнуло пришедшее сообщение. Я прочитал и попрощался:

– До свидания. Я все понял. Спасибо.

Пора делать следующий ход.

Леонид призывно махал рукой. Они сидели за крайним столиком кафешки фаст-фуда – мой стильно и дорого одетый напарник (главный спец в нашей конторе по женскому полу) и две расфуфыренные нимфетки.

Прошу прощения: излишне яркой и чрезмерно покрашенной была только одна. Она бросалась в глаза голубой прядью в черной шевелюре, пирсингом в брови и чересчур короткой одеждой и совершенно забивала на своем фоне неприметную соседку. Зато вторая – юный цветок, только распускавшийся неопытные лепестки. Едва сформировавшийся персик. У депутата губа не дура. Жаль девочку. Мало ли, что у нее мамаша такая гнида – на любом несчастье старается выцыганить себе вспомоществование, которое потом быстренько пропить. Знакомое дело. К сожалению.

Я приблизился. Леониду было поручено найти девушку и собрать всю возможную информацию о произошедшем. Найти-то он нашел, а вот с собиранием возникли проблемы. Мешала присосавшаяся подруга.

Подругу мне предстояло взять на себя. Как разбить парочку, как произвести впечатление на такую оторву? На мне – привычные туфли-пиджак-рубашка-галстук, шеф приучил. Подходило для большинства случаев.

Сейчас сработал закон подлости. То, что идеально для ви-

зита к депутату, не подходило для компании юных дам. Леонид в кроссовках, джинсах и цветастой рубашке чувствовал себя как рыба в воде, а я среди них буду выглядеть сектантом-распространителем религиозной литературы: «Вы верите? Давайте поговорим об этом...»

– Алекс, какими судьбами?! – напарник сделал вид, будто встретил меня случайно. – Присаживайся. Знакомься. Оксанка и Анютка.

Церемонно поклонившись девчонкам... я опешил. Оксаной Леонид назвал разукрашенную куклу в шортах и откровенной кофточке на пуговичках, от которой нормального состоявшегося человека должно мутить, как от микса селедки с молоком.

– Нюта, – ответно представилась, подтвердив мой психологический прокол, светловолосая девушка в простом, очень дешевом, но эффектном платье, гармонично подчеркивавшем ее достоинства.

Тоненькая, чистая взглядом и лицом, она мне сразу понравилась. Как же здорово, что Оксана – не она.

Настоящая Оксана ничего не сказала, лишь оглядела меня с головы до ног. Видимо, осмотр ее удовлетворил, она даже подвинулась, предлагая место рядом. На столе, помимо двух маленьких женских сумочек, лежали чипсы и мороженное. Официант принес три клубничных коктейля. Я указал на стаканы:

– Мне то же самое.

Молодец Леонид, что не потащил подопытную в алкогольный бар, где развязать язык человеку намного проще. Проще – не всегда правильнее. Мой соратник сделал все правильно. Хотя мог воспользоваться ситуацией совместить полезное с приятным. С ним, увы, бывало.

– Ты куришь? – спросила меня Оксана.

– Нет.

– Вот черт, и ты тоже. – Она вызывающе откинулась на стуле и замерла, демонстрируя недовольство неправильными кавалерами.

Нюта безмолвно ковырялась в мороженом, Леонид досадливо пожал плечами – разговор на щекотливую тему при постороннем не начнешь, подружек следовало разъединить. Для этого меня и вызвали.

– Если тебе требуется компания, то с удовольствием составлю. – Я достал из кармана красивый портсигар с длинными сигаретами. – Сам недавно бросил, но для друзей...

– Спаситель! – Оксана под руку поволокла меня на улицу.

Я не сторонник курения, а подросткового в особенности, но в данном случае цель оправдывала средства.

Опять у меня вылезла эта гнилая фраза, раз за разом заставлявшая преступников чувствовать себя благодетелями и спасателями человечества. Прошу прощения, про оправдание я соврал, нагло и беспардонно. На самом деле – никак не оправдывала. И не могла оправдать. Это целью оправдывался я, чтобы объяснить своей совести задействованные сред-

ства. Но ничего поделатъ не мог, мне требовался результат. В конце концов, совесть вздохнула и подвинулась, уступив место практическому расчету.

Помимо портсигара с дорогими сигаретами у меня, само собой, нашлась и зажигалка. Оксана прикурила и затянулась, нарочито-чувственно пуская ровные колечки.

– Чем занимаешься? – поинтересовалась она вроде бы равнодушно.

– Тебя выгуливаю.

– Не прикалывайся. Я вообще.

– Деньги зарабатываю.

– Много?

– Много.

– Как?

– Людям помогаю.

Оксане понравились оба моих ответа.

– Супер.

Ее тело, прислонившееся спиной к стене кафешки, отлепилось и развернулось ко мне подчеркнуто выпяченным фронтом, которым хозяйка явно бравировала.

– Ксюша... – начал я.

Оксана скорчила противную гримаску:

– Ненавижу это ваше умиленное сокращение – «Ксюша». Трубочка из плюша. Я – Оксана. Если хочешь по-приятельски, то Оса. Так меня зовут свои.

– Тебе сколько лет, Оса?

– А сколько дашь?

Я пожал плечами. Мне не цифра была нужна, она давно известна. Мне нужно другое.

Увидев, что я не собираюсь привычно флиртовать, рассыпаться в комплиментах и заигрывать другими способами, Оксана недовольно бросила:

– Боишься с малолеткой связаться? Успокойся, восемнадцать уже есть.

Неожиданно. Но логично. Долгопурову, скорее всего, она сказала так же, и кое-какие обвинения с него я, пожалуй, сниму. Отвечать будет только за действия. В чем-то он прав: когда девчонка так размалевана и прокурена – вполне сойдет за совершеннолетнюю.

– Ну, Оса, кончай здоровье гробить, – я отобрал недокуренную сигарету, мощный щелчок отправил ее в урну. – Нас, наверное, заждались.

– Кому мы там нужны, – брезгливо хмыкнула Оксана. – Твой приятель сначала всю охмурил меня, а когда я пошла с тобой, перекинулся на Анютку.

– А тебе, значит, обидно?

– Еще чего.

И все же ей обидно. Леонид неправильно повел партию. Нужно направить его усилия в нужное русло.

Мы вернулись в кафе. Вдруг мой взгляд застыл, словно напоролся на стену, и я едва не сшиб близлежащий столик. В углу, почти скрытые перегородкой и невидимые с других

направлений, сидели Жанна и двое парней, каждый намного старше ее. Впрочем, намного – громко сказано, у меня с ней тоже разница почти в десяток. У этих – побольше. Все трое смеялись чему-то. Жанна льнула к одному из них болезненно-знакомым движением, при этом приятельски пожимала руку второго. Ее легкое вечернее платье (специально переделалась к случаю!) открыто развевалось и наводило на некрасивые мысли.

Неприятное зрелище. На ватных ногах я дошел до своего столика и опустился, автоматически подвинув стул сядившейся Оксане.

Та оценила проявленную галантность и вновь подвинулась ко мне, а в ответ на поднявшиеся брови Леонида показала ему язык.

– А ты, батенька, извиняюсь за выражение, ловелас! – прошелестел мой приятель, едва сдерживая хохот.

– Он, в отличие от некоторых, настоящий мужчина. – Словно устанавливая право собственности, Оксана прижалась ко мне плечом.

Нюта безмолвно поглощала мороженое и не обращала внимания ни на пикировку, ни на изменившуюся ситуацию.

Колец на правых безымянных пальцах ни у меня, ни у Леонида не было. Возможно, из-за этого Оксана воспринимала нас как дичь, которую стоило попытаться добыть. Сначала Леонида, специально пижонисто разодевшегося для этого мероприятия, а теперь и меня. А с нашей точки зрения

дичью была она. Дичью другого характера. Впрочем, на охоте любая дичь – это в первую очередь мясо, которое нужно подстрелить и сунуть в сумку. И неважно, летало оно до того, бегало-прыгало или сидело на соседнем стуле, и на ужин оно тебе нужно или для чучела. Это вторично. Главное – удачный выстрел.

Взаимная охота продолжалась.

8

Направляясь в сторону туалетной комнаты, Жанна проходила мимо. Леонид тоже узнал нашу великолепную секретаршу. И она увидела нас. Ни один нерв не дрогнул в лице ударопрочной соратницы. Жанна спокойно отвела взгляд и последовала дальше.

Глаза Леонида неотрывно-сладко проводили ее вплоть до исчезновения в темном коридорчике и выразительно посмотрели на меня. Я кивнул, что, мол, да, видел, но товарищ тоже на задании, отвлекать не надо.

Оксана по-женски ревниво заметила не только переглядывание, но и причину. Она презрительно фыркнула и отвернулась, в пику нам тоже начав разглядывать мужчин за соседними столиками.

Думает этим нехитрым способом вернуть наше внимание к себе? Тоже мне, королева Гарлема. Лучше бы научилась вести себя и выглядеть хотя бы так, как подружка, не говоря о недостижимых высотах нашей волшебной Жанны. Не косметика красит человека. И даже не краска для волос.

Оксана резко обернулась ко мне.

– У тебя есть девушка?

Если эта нитратная недоросль рассматривает свою кандидатуру на остававшуюся с самого развода вакантной серьезную должность...

Зря.

– Есть? – настойчиво повторила синеволосо-пирсингованное недоразумение.

– Постоянной – нет, – не стал я обманывать. – И заводить пока не собираюсь. А вот Леонид, кажется, не прочь.

Я подмигнул и по-дружески плечом толкнул Оксану в сторону страдавшего без внимания друга.

Приятель заулыбался и бодро выдал:

– Неправда. У меня есть. Целых две. Две прекрасных распустившихся розы, они пока еще неловко поигрывают шипами, не понимая, что исходящий от взошедшего солнца жар не обжигает, а греет. Отгоняя тьму, он дарит свет и тепло. Эти два чудесных цветка – темный и светлый – сидящие за этим столом, они...

– Твой друг всегда такой романтик? – грубо перебив Леонида, поинтересовалась у меня Оксана.

– Конечно. Самый романтичный из всех романтиков.

– Жаль, – сморщилась она. – Мне нравятся герои.

Ситуацию требовалось исправлять. Леонид ждал помощи от меня, как от непосредственного начальства, которое своим вмешательством сломало его операцию. Но мысли мои были далеко.

– Извините, отойду на минутку.

Я направился в сторону туалетов. Сердце превратилось в пулемет, рубашка с пиджаком едва сдерживали его желание рвануть вперед и опередить меня, чтобы первыми оказаться рядом с той, которую я увижу сегодня в восемь. И не только увижу. Если не случится ничего непредвиденного.

По необъяснимому стечению обстоятельств последнее в моей жизни почему-то случалось чаще, чем предвиденное.

Но неуправляемая мозгом сила притяжения влекла меня туда, где находилась особа, сумевшая покорить мою сущность вопреки всем доводам разума.

Около значка «Для дам» я слегка притормозил. Расчет оказался верен. Встряхивая помытыми руками, Жанна как раз выпархивала оттуда и, не ожидая встретить препятствие, машинально впечаталась в меня всем корпусом.

– Что ты здесь делаешь? – прошипела проснувшаяся в ней змеюка. – Я же дала понять, что для этих людей мы с тобой не знакомы. У меня очень важная встреча. Эти люди...

– Не важно.

Я окинул взглядом коридорчик. Напротив туалетов была еще одна дверь, под моим любопытным напором она легко отворилась. Надпись на табличке гласила: «Только для персонала».

Отлично. Я потянул Жанну туда. Служебное помещение оказалось мини-кладовкой размером в полтора квадратных метра, где хранились ведра, швабры, чистящие средства...

Втолкнув туда свое наваждение и втянувшись сам, я затворил дверь.

Все исчезло. Начисто. Мир скрыла внезапно наступившая в отдельно взятой точке пространства роскошная ночь. Колдовская. Потому что.

Иначе и не.

Я чувствовал именно так.

Обрывки. Слов. Мыслей. Ощущений.

Зато эмоции!

Тьма. Черная. Агрессивная. Гнетущая. Тяжелая. Как удар по глазам. И – руки. Мои. Потянувшиеся, обнимающие, притягивающие.

Живот к животу. Дыхание к дыханию – участившиеся, сбивавшиеся. Ладони – крепкие, твердые, мои – сверху вниз и резко в самый верх, вместе с платьем.

Двойной судорожный вздох.

Руки – нежные и тонкие, изменчивые и озорные – на моих брюках. Играют. Шалят. Удивляются. Здороваются.

Губы.

Ищут. Находят. Впиваются.

Губы в губы. Язык в язык. Почти до крови. Немыслимо. Жадно. Проникающе. Прочувствованно. Предвосхищающе.

Руки. Мои – сходят с ума. Ее – берут в плен мою шею. Запирают. Стягивают.

Ноги – гладкие, сладкие, до озноба желанные – взлетают и скреживаются за моей спиной.

Жанна – на мне. Целует. Вжимается. Растворяется в ощущениях.

Я стою. Держу. Держусь. Но – держаться не хочу. Хочу действовать. Ноги – словно бетонные опоры. Неподъемные. Нагруженные чудесной ношей. Она открыта. Я исчезаю в этой открытости, направляемый колыханием подстроившихся тел.

Я в раю. Так быстро. Так просто.

Движения. Начавшиеся. Ее. Мои. Чудесные. Чарующие. Чудовищно чувственные.

Стискивающие. Сочные. Сладостные.

Движения. Четкие. Жесткие. Протяжные. В давящей ушной тишине, кромсаемой нашими полувздохами-полувскриками. Полустоном – полупшепотом. В полной темноте. В полноте восторга. В безбрежном море ощущений. Движения. Навстречу друг другу. Соединяясь. Сливаясь. Растворяясь.

Непроизвольный укус. Пот. Жаркий всасывающий поцелуй. Откидывание назад – на весу, на мне, со мной в душе, в сердце и под сердцем. Со мной – бьющимся навстречу

бьющемуся сердцу. Со мной – обнимающим и обнимаемым. Счастливым и осчастливливающим.

Ее ноги болтались без опоры, блаженствуя в непередаваемом словами восторге полета наяву. Ее голова откидывалась и билась, как под действием электротока. Ее губы шептали:
– Господи, что же ты делаешь со мной!

И мне было несказанно лестно это сравнение.

Тьма в глазах озарилась танцем цветных пятен, вынырнувших из небытия и спешивших вкусить радости жизни, прежде чем снова кануть в породившее их небытие.

Вдруг – ослепляющее просветление в мозгах от хлынувшего снаружи света...

Голос:

– Пардон...

И вновь обрушившаяся камнепадом крошечная тьма.

Истерически прыснув, мы рванулись в разные стороны, словно один из магнитов поменял полюс. Смеясь, выскочили наружу – под ироничный взгляд работника кухни, который ожидал в стороне, когда необходимое ему помещение освободится. Послав мне воздушный поцелуй и прошептав «Пока! До восьми!», Жанна оправилась и танцующей походкой отправилась к своим «нужным людям». Мне же для приведения себя в порядок пришлось ненадолго скрыться за дверь с табличкой «Для джентльменов».

Я вернулся легкий, как воздушный шарик мультяшного Пятачка, и выпотрошенный, как горшочек из-под меда его друга Винни-Пуха.

– Что, девчонки, приуныли? Плохо развлекает вас мой товарищ?

– Тебя ждали. Давайте, что ли, поднимем наши бокалы... – Леонид торжественно взвил к потолку свой молочный коктейль, прокашлялся и громко провозгласил тост, обращаясь к прекрасной половине нашего столика: – Не так хорошо с вами, уважаемые дамы, как плохо без вас. Потому – за вас, девчонки!

– Спасибо, – кивнула в ответ Нюта и пригубила молочную пенку, отчего над верхней губой остались трогательные белые усики.

Оксана отпила молча, потом толкнула подружку под ребра, глазами указав на усы. Смущенная Нюта быстро облизала их языком, а потом еще утерла тыльной стороной ладони.

Счастливый, как прайд удачно поохотившихся львов, я решил тоже взбодрить компанию:

– Мне тут недавно выдали на день рождения: «Желаем здоровья, удачи и денег, остальное у тебя есть».

Девчонки засмеялись. Леонид завистливо покачал головой, потом показал знаками, что пора бы разделить девушек.

– А почему молчит Анюта? – поинтересовался я, примеряя на себя роль ее кавалера. – Что-то не так? Может, мой приятель чем-то обидел?

Мне требовалось увести именно ее.

Огромные чистые глаза окутали небесной голубизной:

– Мне больше нравится слушать.

– Замечательное качество. Нечасто встречается. А я вот больше люблю рассказывать, – меня понесло. – Хотите, расскажу, как у меня постоянно не раскрывался парашют? Нет, лучше как однажды на Сейшелах... Вы не бывали на Сейшелах?

Конечно, они не бывали. Я тоже не бывал. Возможно, никто не бывал, и упомянутые Сейшелы – миф, такой же, как про Золотой век, волшебную страну Эльдorado и демократию. Наша жизнь полна таких мифов.

– Если бы бедность языка не воспрепятствовала мне описать красоты невероятных скал на острове Ла Диг...

Я упоенно «развешивал лапшу» для жадных до экзотики слушателей. Вчера читал про эти острова, так почему для эффекта не присочинить, будто бы видел лично? Разве это ложь? Скорее – описанная в реальных красках мечта. Сказка. А любая сказка, как известно из классики – ложь, в которой заложен намек... на что-то. Дети, правда, все равно не понимают на что. Они же дети. Сказки они слушают не для этого.

– ...Где ночные пляжи шевелятся от шествия белых кра-

бов... Где можно отведать знаменитый салат миллионеров с мякотью пальмы... Кстати, любопытный факт: три четверти детей на архипелаге – внебрачные, по воскресеньям в церк-вах крестят детей «обычных», а по пятницам – внебрачных.

Меня слушали затаив дыхание. Сейчас, в эйфории и терп-ком послевкусии невероятной авантюры, плавая в океане счастья, я готов был расцеловать всех и каждого. Возлю-бить ближнего. Возлюбить врагов своих. В общем, возлю-бить всех. Даже местных депутатов. За исключением Долго-пурова, естественно.

– А произрастающие исключительно на Сейшелах коко-совые орехи с пальмы Коко де Мер? Они весят каждый за двадцать кило, а формой напоминают... гм, тыл наклонив-шейся женщины.

Леонид ухмылялся, Нюта заворуженно внимала. Окса-на...

Она продолжала оставаться серьезной и непробиваемой. Наглухо закрытой от всех. Постоянно думающей о чем-то, чего забыть невозможно.

У меня в сердце неожиданно проросла, разветвилась и налилась тяжелыми плодами ненависть к жирному подонку, который использовал меня в качестве щита. Он думал за-щититься мной. Моими возможностями. Дудки! Натворил – отвечай. По всей строгости закона. А если закон почему-то молчит – по всей суровости людской справедливости. Девоч-ка, этого старого жирдяя я сотру в порошок. Я его целиком

изжарю и по кусочкам съем. Больше никогда он не сможет изгаляться ни над тобой, глупой и обремененной тяжелой наследственностью, ни над другими. Такими, как, к примеру, твоя очаровательная подружка, еще не знающая жути порядков, установленных на рынке человеческих чувств. Она не знает невообразимой подлости, не видела выпавших на твою долю чудовищных гнусностей, не встречалась с бесчеловечными уродами, которые кичатся своей неуязвимостью и наслаждаются вседозволенностью... Я спасу ее, чистую, светлую, почти святую, не знающую греха, от мрака безнаказанного всевластия, а в ее лице – всех остальных. Но начну – с нее. Прямо сейчас. Я решил. Злодейство будет наказано, старающийся выпутаться злодей будет повержен, справедливость восторжествует.

Оксана вдруг высказалась, ни на кого не глядя, но вроде бы обращаясь к Аняте:

– Глянь, с каким челом познакомились: везде был, все знает, сильный, красивый, умный...

Нюта негромко произнесла, вогнав напарницу в краску:

– Говоря о мужчине, что он умный, обычно имеют в виду, что второго такого дурака не найти.

– Умница! – Леонид в восторге захлопал в ладоши.

– И наоборот, – грустно подытожила Нюта и вновь уткнулась в вазочку, где никак не заканчивался растянутый надолго шарик мороженого.

Но перед этим ее взгляд на миг скакнул в мою сторону.

Ура, кажется, я разбудил интерес. Теперь нужно вывести Анюту из игры.

– Тебя потом отвезти? – поинтересовался я как бы между прочим.

Освобождаемый от лишних персонажей театр военных действий давал Леониду возможность вызвать Оксану на откровенность и, если понадобится, добавить.

– Спасибо, – мягко улыбнулась Нюта.

– А какая у тебя тачка? – загорелись глаза синеволосой подружки.

Я кивнул за окошко на сверкавшее после мойки детище международного автопрома.

– Эта?! – костер в зрачках Оксаны вырос до категории вселенского пожара. – Подвези и меня!

Леонид заметался:

– Ты же сказала, что живешь рядом?

– Мало ли что сказала, – недовольно вильнула плечиком Оксана. – Сказала, что близко, а на самом деле далеко. Вам палец в рот не клади, знаю, чем кончается откровенность...

Напористая девочка. Даже слишком, для своих лет.

Я успокоил напарника взглядом: не переживай, беру твою задачу на себя, приступай к следующей.

Из кафе оставленный расплачиваться Леонид тоскливо глядел, как я помогаю обеим девушкам разместиться. В салоне Оксана забросила сумочку назад и расположилась рядом со мной. Стеснительная тихая Нюта села позади, практически утонув в мягком диване.

– Я живу на окраине, – проговорила она негромко и назвала точный адрес.

– Нет проблем. – Я посмотрел на Оксану. – Тебе куда?

– Меня – потом, – отмахнулась она.

Закинув ногу на ногу (размеры проема и ног позволили это сделать, совпав почти идеально), она поправила на груди кофточку, специально открыв чуть больше, чем позволяли приличия, в меня уперся дерзкий взгляд: «Нравится?»

Нет, уважаемая, не нравится. Не может нравиться. Я не прыщавый парнишка с соседней парты, которого можно купить таким не очень большой мысли финтом. Я давно питаюсь не подачками, а в лучшем ресторане.

В прежние времена говорили: «Ни поцелуя без любви». Теперь: «Лучше изнаситься, чем заржаветь». Моя начинающая кокетка была из этих новых, мне неприятных и неинтересных. Но долг требовал «продолжать банкет» до получения результата.

– Пристегнитесь, – скомандовал я.

Нюта, хотя и сидела сзади, выполнила просьбу без разговоров, а Оксана даже не подумала слушаться.

– А если нет, то что? – ехидно спросила она. – Боишься налететь на штраф? Или собираешься гнать под триста?

– Не собираюсь. Но вожу резко. Советую пристегнуться.

Кажется, подействовало. С явным неудовольствием Оксана натянула ремень на ворот кофты, вновь укрывший ее не по возрасту спелую грудь.

Машина прыгнула вперед, будто ею выстрелили из катапульты, седоков вжало в сиденья. Это я демонстрировал, что значит водить резко.

– Ого, – уважительно сказала Оксана. – Круто.

Нюта, как всегда, промолчала. Но ее небесные глаза, которые я видел в салонном зеркале, напряглись.

Ладно, не будем лихачить, девочка не привыкла к опасностям.

Зато Оксана чувствовала себя в родной стихии.

– Давайте махнем в клуб! – предложила она.

Ага, как же. Сначала я буду обязан купить им входные билеты, потом угощать коктейлями и прочим, что дамы соизволят попросить (а они непременно соизволят), а затем они встретят там компанию друзей или просто сверстников и попрощаются с продинамленным благодетелем, ехидно поблагодарив на прощание за прекрасно проведенное время.

– Сегодня в «Косом зайце» вечер альтернативщиков, – продолжила Оксана. – Такой музон, закачаешься! Алекс, ты

как насчет альтернативы?

– Альтернатива должна быть всегда, – сообщил я, вырывая на ведущий из города проспект. – В том числе и отдыху в клубе.

– Ясно. – Оксана в раздумье опустила руки. Но просидеть без дела смогла недолго. – О! – Ее правая кисть развернула в салон камеру видеорегистратора: – Давайте сниматься. Я буду режиссером. Нютка, покажись, а то не вижу.

Оксана вытянула голову, чтобы увидеть подругу в зеркале заднего вида, но так и не увидела.

– Запевай: «Наводи-и-и тень на хрень,. Городи-и-и хрено-тень...»

Ее никто не поддержал. Меня не вдохновляло горланить попсу с зелеными девчонками, а Нюта по какой-то другой причине не составила неумной подруге компанию. Возможно, настроение не совпало. Или вкус.

Оксана решила, что нам не понравился именно выбор песни, и сменила репертуар, затянув, как ей казалось, стопроцентную классику: «Ничего на свете лучше не-э-ту, чем бродить друзьям...»

Мы с Анютой снова отмолчались.

Перед т-образным перекрестком встречные машины несколько раз мигнули фарами, и за поворотом мой любимый коник уперся в пробку. Впереди машины прерывистой струйкой просачивались сквозь жуткое месиво, недавно тоже бывшее автомобилями. Там кто-то почувствовал крылья

за спиной и долетался. Сноровисто работали ребята с автогенном и электропилой и, словно патологоанатомы, копошились в мертвых телах отскакавших свое мустангов. Вокруг суетились медики, вперед-назад перетекала жадная клякса толпы зрителей, стремившихся запечатлеть в памяти и на телефоны каждую из кошмарных подробностей.

Мы проехали молча. С этого момента я стал чаще поглядывать в боковые зеркала. Вовсе не из-за боязни не признающих правил «Летучих голландцев». Наоборот – из-за старавшейся ничего не нарушать неприметной машинки, что-то уж слишком долго сидевшей на хвосте у нашего веселого экипажа.

Показалось или нет? Увидим.

Оксана недовольно вывернула глазок видеокамеры на себя и с обидой выдала:

– Уважаемые зрители, концерт по заявкам, посвященный дню летающего автомобилиста, не состоялся ввиду абсолютной тупости и бездарности окружающих. Вместо обещанного концерта мы покажем вам кино. В ролях: Оксана Манько в роли девушки тяжелой судьбы, спасенной прекрасным принцем в стальных латах иностранного производства из катастрофы ее непутевой жизни, а так же Аннета Сеницына, исполняющая роль ее неразлучной подруги.

Направляемый пальцами объектив сместился в межрядье кресел, где пряталась вторая «актриса», затем переплыл на меня:

– И Алекс... – она повернулась ко мне: – Как твоя фамилия?

«Обойдешься», – подумал я, вслух сообщая:

– Череззаборногузадерищенко.

Нюта подавилась тихим смешком. Оксана нахмурилась.

Продолжила в камеру:

– ...И Алекс Бесфамильный, с какими-то неясными пока целями прячущийся за первый попавшийся псевдоним. Мы представим вашему вниманию высокохудожественный фильм «Трое в яхте считая оператора».

– Тогда уж не фильм, а сериал, – донеслось вдруг сзади. – Про жизнь. Серия сто двадцать первая, «Богатые тоже платят». Краткое содержание предыдущих серий: бросаемое по воле волн утлое суденышко жизни главной героини приблило к могучему корпусу линкора главного героя. Мизансцена: суровый герой, смахивая скупую слезу, стоит за штурвалом своего корабля, уносимого в открытое море страстей, героиня в трансе случившихся передрыг (но, тем не менее, с не убиваемой надеждой во взоре) плачет у него на плече...

Щелкнул отсоединенный ремень безопасности, Оксана чуть приподнялась и, сообразно с текстом Анюты, плюхнулась левым ухом на мое плечо, потерлась щекой и прощекотала жесткой от лака прической.

Из динамиков раздалось противное механическое пиканье.

– Сядь на место и пристегнись, – посоветовал я. – Иначе

пикать не перестанет.

– А если его заткнуть через зад? Чего лыбитеесь? Имею в виду – пропустить ремень сзади, за спиной. Любой датчик можно как-то отключить или заглушить.

Последнее Оксана произнесла нервно, начиная злиться.

– Можно, – сообщил я. – Если встать. Он решит, что пассажир вышел, и прекратит беспокоиться за его жизнь и здоровье.

Меня поняли не так, как я планировал. Оксана привстала, корпус сместился влево, к коробке передач, и обтянутые юбкой бедра стали втискиваться между спинками кресел. Ширина машины С-класса это позволяла – пусть с некоторым трудом и не каждому. Для сложения Оксаны оказалось достаточно, и когда ей, сдавленной и перекобоченной, это удалось, она положила руки и голову мне на плечо.

Кожаный ящик-подлокотник противно заскрипел под ее весом, но выдержал, продолжив затем всю дорогу натужно жаловаться и плаксиво ворчать на неправильность использования себя в качестве опоры для хоть и мягкого по названию, но на деле весьма жесткого места. Нога соседки прижалась к моему локтю, изо всех сил стараясь не задеть рычаг коробки передач.

– Давай, сценаристом будешь ты? – Оксане понравилось играть в съемки фильма. Крутая тачка, рядом – холеный и, чего греха таить, красивый кавалер... Короче, подруга Джеймс Бонда. В общем, она была в восторге.

А я – нет:

– Благодарствую, но за рулем полезнее оставаться просто водителем.

– Тогда спой что-нибудь, – не унималась Оксана, – или, например, стихи почитай.

– Лучше я дорожные растяжки и баннеры почитаю. Про себя. Больше пользы будет.

Сзади тихий голос продекламировал нараспев:

– И снова, преданный безделью,

Томясь душевной пустотой

Уселся он – с похвальной целью

Себе присвоить ум чужой...

– Сударыня, вы меня поражаете, – я обернулся, едва не опрокинув находившуюся в подвешенном состоянии Оксану, и продолжил в тему: – Там скука, там обман иль бред...

– В том совести, в том смысла нет... – подхватила Анюта.

Я не спец в поэзии, скорее даже профан, но Пушкина знал. И был потрясен. Молодежь ругают, что она ничего не читает. А она даже цитирует!

Оксана не терпела вторых ролей.

– Что еще интересного в твоей машине? – Она обвела взглядом хорошо упакованный салон и опять сползла на сиденье.

Интересного было много, но я не собирался бахвалиться спрятанными внутри достижениями мировой инженерной мысли и кустарного мастерства. Моя машина – не про-

сто машина. Не Бет-мобиль, конечно, и даже не напичканное пулеметами и ракетами авточудо супершпиона, но кое-что кое-где...

– Если понадобится – узнаешь, – заверил я любознательную соседку. – Лучше, чтобы не понадобилось.

После установившейся ненадолго тишины, когда каждый думал о чем-то своем, Оксана выдала:

– Если кто не в курсе, на улице – лето. Лето – это, поясню для тупых, когда тепло. А когда тепло – люди хотят купаться. Короче, поехали на пляж!

Как ей не терпится получить побольше удовольствий от шапочного знакомства, в любой момент готового прерваться по вине странного кавалера. Это я так себя обозвал. Поскольку никак не мог настроиться на одну волну с недалеко мыслящей провокаторшей, старательно ведущей привычную и, к сожалению, хорошо известную мне игру в «динамо».

Увы, в сложившихся обстоятельствах я тоже был лицом заинтересованным. Заинтересованным как можно ближе сойтись и как можно больше узнать.

– Почему нет?

– Ура! Давай к большой березе, где тарзанка. Знаешь?

Я знал. Но знал также, что в этом месте тусуется вся праздно шатавшаяся молодежь. Понятно желание девушки похвастаться перед собравшимися там парнями богатым (с ее точки зрения) ухажером, но у меня другие планы.

– Там сейчас не протолкнуться. Я знаю места получше.

Обе девушки насторожились:

– Это далеко?

– А у вас купальники с собой? – парировал я.

Возникла секундная заминка, очень многозначительная.

Нюта просто отмолчалась, оставив дальнейшие переговоры на усмотрение подруги. Оксана храбро и высокомерно вздернула подбородок:

– Намекаешь, что сам плавки не взял и боишься попасть в неприятную ситуацию? Не знаешь, как показаться перед двумя красавицами в застиранных семейниках? Или я не права, и ты предпочитаешь стринги и мальчиков? Или просто стыдишься? Типа, не побрит, не причесан, ко встрече с прекрасным не готов, сногшибательный опен-эйр в приятной компании сегодня не планировал... Не бзди, братишка, ничем новым ты нас не удивишь. Или... удивишь? Что, серьезно?!

Вот же, негодница, все вывернет наизнанку. Неплохо для своих лет подкована в словесных баталиях.

Боевой огонек в ее глазах рос в геометрической прогрессии.

– Нет, и здесь прокол, – продолжала, как ей думалось, «морально убивать» меня плоско жалящая Оса. Прозвище Оксаны, наконец, выдало свою подоплеку. – По глазам вижу – не удивишь.

Я даже не пробовал пробиться сквозь словесный понос и молчал, не собираясь воевать с малолетками, доказывать свою правоту или очевидные для всех вещи, а также читать

мораль. Как и не собирався купаться с ними, особенно «ню», если юная бесстыдница вела именно к этому.

Впрочем, почему «с ними»? Активность проявляла только находившаяся на самовзводе Оксана, напомнившая сейчас свою маму. Она желала вытрясти из маленького путешествия максимум приключений. Нюта, которую я частично видел в салонном зеркале, поджала губы, отвернулась и ничуть не разделяла хамоватого энтузиазма подруги.

Это в салонном зеркале. А в боковом...

Отставая и нагоняя, за нами следовала недавняя машина. Я менял скорость, ломал ритм движения, перестраивался в тихоходный правый ряд, но не сворачивал направо, а вновь разгонялся и уходил влево... Значит, за нами.

– А-а, поняла, – едко расхохоталась Оксана. – Боишься рассмешить размерами? Комплексуешь? Не любишь сравнений?

– Оксана! – не выдержала Нюта.

Как ни странно, остужающий окрик подействовал.

– Ладно, не тушуйся, – продолжила говорить мне Оксана несколько другим тоном. – Шучу. Мы уже купались и в белье, и даже целиком в одежде, это не проблема.

– Если будет время высохнуть... – подтвердила Нюта, как бы соглашаясь ехать на таких условиях.

Но планы вновь поменялись.

– Девочки, держитесь за ручки над дверцами, – проговорил я. – Немного полетаем.

12

– Что случилось? – вслед за мной Оксана посерьезнела и даже, кажется, чего-то испугалась.

Я кивнул на вид в зеркале:

– Это, случайно, не ваши ревнивые ухажеры или прежние дружки дышат нам в попу с самого отъезда из кафе?

Обе подружки оглянулись, стараясь вычислить, какую из машин я имею в виду.

– Будь у нас такие, мы сейчас были бы с ними, а не с тобой, – хмуро сдержила Оксана.

– Может быть, тайные поклонники? – предположил я.

Опять не угадал. Девушек наш «хвост» тоже напряг.

Работа подвески сменилась на спортивный режим, действующим остался только задний привод. Выжав газ до упора, вылетевший под колеса поворот я прошел шикарно дрифтуя, отчего Нюта взвизгнула, как на мертвой петле в американских горках, а вновь пристегнутая Оксана в счастливом ужасе закрыла глаза.

Преследователи чуть отстали. Мощью их старенькая крепкая «японка» была оснащена достаточной, чтобы тягаться с моим коньком-горбунком, а вот курсы экстремального вождения мои противники посещали не столь часто или не так усердно. Они могли быть профессионалами в любой области, но откуда им знать, что какой-то хмырь на, с виду,

стандартном седане практикует подобные упражнения почти ежедневно, считая их чем-то вроде зарядки, без которой организм не чувствует себя окончательно проснувшимся.

– Алекс, ты – ас, – объявила Оксана.

В ее взгляде и тоне почувствовалось что-то новое. Некое уважение.

– А кто за нами едет? – Анята реагировала по-другому. Вжавшись в сиденье в позе эмбриона, она явно боялась, причем очень. Может быть, потому что... знала? Или догадывалась, кто и зачем нас сопровождает?

Мне очень хотелось ошибиться в этом предположении.

– Можно остановиться и спросить, – предложил я любопытный в этой ситуации вариант, поскольку другого ответа у меня не было.

Кому нужны две девочки и молодой человек на хорошем автомобиле, которые познакомились в кафе и отправились в сторону дома одной из попутчиц? Это могли быть свои, посланные шефом для подстраховки и... контроля. Например, тот же Леонид. Но он бы предупредил. Впрочем, если именно для контроля...

Также преследователями могли быть люди депутата, приглядывая за ходом расследования мерзопакостного дела. Еще – кто-нибудь из конкурентов, хотя усилиями шефа в последнее время у нас их практически не осталось. Еще – сотрудники неких служб, что никогда не спускали глаз с наших дел и новых начинаний. Еще могли быть на словах от-

рицаемые дружки Оксаны, которые вместе с ней обстрипали такие грязные делишки, как шантаж высокопоставленного лица.

Нет, последнее – из разряда фантастики. Потому что тогда не ее мать-алкоголичка ставила бы условия по выкупу.

Несмотря на прилагаемые усилия, «хвост» не отрывался. Я тоже зауважал человека, сидевшего за рулем автомобиля-преследователя. Какие бы финты мой стальной снаряд не вытворял на асфальте, тот упорно держал дистанцию, не отставая, но и не приближаясь настолько, чтобы мы рассмотрели сидевших внутри.

На меня накатила азарт. Хотят посоревноваться? Извольте, я готов. Никогда не ведусь на «слабо», если не считаю себя знатоком в затронутой области. Сейчас я чувствовал себя на коне. Ну что, сменим аллюр?

Нужный поворот к окраинному микрорайону Анюты мы проскочили и оказались на окруженной лесом загородной трассе. С нее я свернул на годами не приводимый в порядок участок сельской дороги – он вечно находился под знаком «Осторожно, ведутся ремонтные работы».

Лица обеих девушек посерели. Нюта схватилась за плечо подружки.

– Если это твои сообщники... – Оксана качнула головой назад.

Тон сообщил: «Ты за это поплатишься». В руке блеснул поданный Нютой нож из сумочки. Молодцы, хорошо рабо-

тают в паре. Нож был обычной китайской раскладушкой, но мне не нравится, когда на небезопасном расстоянии находится что-то острое. Особенно в неопытных руках.

Потянувшись переключить режимы работы подвески на условия бездорожья, я вырвал направленное мне в лицо жало, прокрутил в пальцах красивым вентилятором и протянул обратно рукояткой вперед:

– Если берешься за оружие, умей им пользоваться.

Оксана ошеломленно приняла теперь и ей самой показавшуюся опасной игрушку.

Мне пришлось объясниться. Машина шла на большой скорости по кочкам и ухабам, и некоторые слова проглатывались при каждом жестком приземлении или ударе о выбоину:

– Девчонки, все серьезно, и сзади – не мои приятели. Мне самому интересно кто там, и скоро мы это узнаем.

Оксана откинула голову на подголовник. Нож – на всякий случай – остался в ее руках.

Преследователи вели себя странно. Они не скрывались, но догонять не собирались. Хотя, как я с прискорбием понял, могли бы. Со всеми возможностями машины и взятыми у профессионалов мастер-классами я проигрывал в умении, которое приходит только с годами.

Не жалеемый мной стальной помощник гремел и стонал, лязгающие внутренности надрывались, а я продолжал без усталости жать педаль в пол, зная, что где-то впереди ве-

дутся те самые обозначенные на въезде ремонтные работы. Они должны быть давно закончены, и тогда мы прорвемся и уедем через поле – у преследователей явно нет полного привода и пневмоподвески. Если же дорога по-прежнему перепахана экскаваторами и бульдозерами, да еще перегорожена кранами, укладывающими поперек бетонные трубы для слива...

Тогда мы познакомимся. Девчонок я оставляю в машине за бетонным укрытием, а гости на открытой местности будут как на ладони. И на мушке. Пусть у меня всего лишь травмат, но выглядит и грохочет как настоящий. До стрельбы, как мне кажется, не дойдет, иначе со мной давно поравнялись бы и расстреляли, возможностей хватало. Получается – что? Открытая слежка – сообщение, что кто-то мной серьезно заинтересовался и хочет это показать. Мне на что-то намекали. Понять бы, на что.

А если я не прав, и если все выкладки – чушь, и закончится погоня именно стрельбой?

Жаль, на ходу нельзя попросить помощи у своих. Но это можно сделать сразу, как окажемся за непроницаемой преградой и остановимся.

Дорога вильнула, повернув к той самой реке, куда ранее тянула настойчивая попутчица. Ремонтников впереди не было. Но и пути дальше – тоже.

– Ой! – взвизгнула Нюта.

– Осторожно! – вскрикнула Оксана.

Я тоже видел. Огромный котлован, оставшийся из-под вынутаго для стройки песка, принимал в себя змеиный язык дороги, по которой мы неслись на несусветной скорости.

– Обьезд! – показала Оксана на нелепое сооружение слева.

Практически перпендикулярно нашему движению в сторону вели хлипкие мостки из досок – по ним следовало осторожно выезжать на продолжение разрытой дороги, которая вела в одну из заброшенных деревень.

Если сейчас сбросить скорость, потыркаться вперед-назад на развороте и въехать на мостки нужным образом, то есть так, чтобы не свалиться – меня не только догонят, но и подойдут поздороваться, да еще пару советов дать успеют.

Пришлось выбирать план «Б». Нужно ли было так рисковать? Не знаю, но уйти от погони или самому поймать преследователей стало для меня делом чести. Выиграл кураж.

В котлован спускалась специальная насыпь, ширина позволяла без проблем съезжать и выбираться крупной технике, а при желании на ней могли разъехаться две легковушки. На полной скорости пропылив по снижавшемуся накату на самое дно, я резко вывернул руль и рванул ручник на себя. Машина выписала на укатанном песке фигуру, в кинематографе именуемую «полицейский разворот». Иными словами, развернулась на сто восемьдесят градусов.

На этот раз девчонки не издали ни звука, только побелевшие пальцы вцепились в едва не оторвавшиеся ручки над го-

ловами.

Двигавшиеся сзади преследователи оказались прямо передо мной. Котлован они, как и мы, заметили поздно и отчаянно тормозили, но все же продолжали лететь вперед – на меня.

Я вновь выжал на газ. Взгляды девчонок остекленели в немом ужасе – они решили, что их сбрендивший водитель пошел на таран.

Нет, умирать без смысла – не мой стиль. Я взял чуть вправо и стукнул по кнопке стеклоподъемника, который услужливо открыл мне окошко до самого конца. Лицо ударилось о стену ворвавшегося воздуха. Я взял еще правее и, проезжая (точнее, пролетая) мимо, направил вынутый устрашающий резинострел в скрытого тонировкой водителя преследователей.

Меня опередили. Их выстрел через щель приопустившегося заднего стекла по моему правому колесу был точен. Мне стало не до стрельбы, пришлось удерживать машину, чтобы не опрокинулась. Ее повело вбок, выволокло, чуть не опрокинув, из котлована наружу и ткнуло ослепшими фарами и хрюкнувшим бампером в мягкую горку песка.

Если бы не ремни безопасности...

Медленно развернувшись, преследователи остановились метрах в двадцати.

– Вы кто? – крикнул я сквозь открытое окно, демонстративно пряча свой несостоятельный против огнестрела трав-

мат и показывая, что воевать не намерен.

Ответа не последовало. Форсированный движок взревел, и странная машина скрылась вдали. Или непонятное мне дело было сделано, или ребята внутри получили новые инструкции.

Девчонки дрожали. Я знал, так бывает, когда нечто опасное уже позади.

Нюта тряслась вся. Оксана постепенно справилась с тремором коленей, подняла с пола упавший нож, сложила его и спрятала.

– Вот и речка по вашему заказу, – указал я за борт. – Чуть дальше внизу – пустынный пляжик под соснами, все как вы хотели.

Метрах в сорока действительно плескалась вода. Из сорока примерно тридцать восемь пролегали вниз, под уклон, куда грохнулась бы наша машина, не воткнись в оставленную выезжавшим экскаватором случайную насыпь.

– Кто это был? – Слова у Нюты едва выдавливались из сведенного испугом горла.

Один выстрел – и сколько страха. Надо потом сиденья проверить. Дети – они и есть дети, как бы ни строили из себя взрослых. Взрослыми делает жизнь, а не косметика или громкие заявления на взрослые темы. А взрослые поступки – это совсем не то, что принимают за них рвущиеся во взрослость ранетки. Скорее, даже наоборот. Взрослого узнаешь по поступкам, которые для ребенка нелогичны.

– Кто был? – переспросил я с улыбкой. – К сожалению, догнать прямо сейчас, чтобы спросить, не могу. Но обяза-

тельно выясню.

Рука уже выудила из кармана телефон, пальцы автоматически набрали офис:

– Алекс. Диктую: темно-серая «Мазда», трешка-пятидверка позапрошлого поколения, левый руль, глухая тонировка по кругу, люк отсутствует, других примет нет. Использованные номерные знаки: Ель Семь Двенадцать Тополь Ольха, наш регион. Выяснить все, что можно. Срочно. На проводе.

Я убрал телефон и обернулся к застывшим с разинутыми ртами девицам.

– Алекс, ты где работаешь? – Оксана вновь стала наливать опасливым уважением ко мне, перемешанным с... чем? Не знаю. Но явно чем-то неприятным, судя по бегающему взгляду.

– В фирме, у которой есть выходы на базы данных, – объяснил я услышанные ими переговоры.

– Базы данных есть у любого пользователя интернета, если он не лентяй и не абсолютный чайник, – сообщила Оксана.

– Вот пусть и слазят наши дармоеды в интернет, поищут, – не стал я говорить о разнице в методах работы.

Мы все вышли из автомобиля, обошли его вокруг и оценили размер ущерба. Девчонки синхронно вздохнули.

– Теперь что же, пешкодралом до города? – любопытствовала Оксана в своем стиле. – Часа три, наверное, шлепать? Вот, угораздило...

– Всего лишь пробито колесо, – сказал я спокойно. – Минут через пятнадцать-двадцать двинемся домой.

Нюта, наконец, улыбнулась. Оксана осмотрелась вокруг, на лице читалась некая невысказанная мысль.

«Ага, и она стесняется!» – обрадовано подумал я. Хорошо, что стесняется. Мне казалось, что она утратила это чувство.

Я догадывался, чем объяснялась ее нервозность и почему она стеснялась. После полетов по шоссе и бездорожью, погони, стрельбы по нам и внезапной посадки в пески, произошедших после обильного питья в кафе...

Спасибо, что сиденья не намочили. Я удостоверился.

– Двадцать минут... – протянула Оксана.

– Минимум – десять, максимум – полчаса, – уточнил я. – Это если еще кто-нибудь по нашу душу не прикатит. А сейчас давайте разойдемся в стороны, мальчики налево, девочки направо. Намек ясен, или нужно расшифровать?

Девчонки поджали губы, понимание в глазах сказало, что расшифровывать не нужно. Я первым пошел за дальний отрог котлована.

– Только не подглядывать! – вдруг выпалила Нюта совсем по-детски, сразу жутко сконфузившись и отвернувшись.

– Обещаю, – заверил я.

Вокруг не было никого. Я справил нехитрое дело за отгораживающим отвалом и вернулся, прикидывая объем предстоящей работы. Более детальный осмотр морды спо-

ткнувшегося боевого коня прибавил оптимизма. Обошлось небольшими царапинами. Фары целы, а вдавленный пластик бампера выправится. Если бы удар был чуть сильнее...

Тогда мы снесли бы песчаный холмик и улетели в воду. И те же ремни, что спасли нас, стали бы нашей бедой.

Но ведь обошлось? Теперь мне предстояло вытащить машину из песка и поменять порванное в клочья колесо на запаску. С заменой колеса проблем не будет, а вот песок мог просто так не отпустить. Возможно, придется откапываться.

Показались взбиравшиеся на уклон девушки. Они еще раз оглядели машину, затем – меня, достававшего саперную лопатку, и поинтересовались:

– Помощь нужна?

Честно говоря, не ожидал.

– Спасибо, справлюсь, а вы идите, купайтесь пока, – махнул я рукой вниз, в сторону воды. – Закончу – позову.

Оксана с неподдельной обидой нахмурилась:

– Разве с нами не пойдешь?

Тон был почти угрожающий.

– Посмотрите сюда, – теперь моя рука указала на произведенные разрушения. – Если не я, то кто?

Оксана не сдалась и еще раз попробовала меня на прочность.

– Может, все же пойдешь поплавать в приятной компании? Немного. А колесо никуда не денется.

Ее пальчики начали расстегивать и так непонятно на чем

державшуюся кофточку. Бюстика же под ней, увы, не наблюдалось.

Кажется, на это дрянная девчонка и рассчитывала.

Нюта, у которой под платьем угадывалось наличие обоих предметов женского интимного гардероба, безмолвно стояла сзади.

– Девчата. – Я развел руками и опять указал на машину. – Нам еще выбиратья отсюда. Если, конечно, вы не собираетесь здесь ночевать.

Последний довод поставил в разговоре точку. Обе купальщицы упорхнули за бугор, к спуску к воде.

Как часто бывает, выстрел если и привлек внимание, то не так, как надо. Он отпугнул всех находившихся неподалеку возможных зевак. Если кто-то из них собирался двинуться к воде в нашу сторону, то после выстрела таких охотников не нашлось. Оба берега были пустынно на всю просматриваемую даль.

Я сел за руль, завел мотор, заблокировал дифференциалы и враскачку высвободил любимого коня из плена. Автомобиль аккуратно выехал из песка и встал на ровной площадке у котлована.

Отсюда открывался изумительный вид на речку. Вокруг было тихо и удивительно спокойно. Мои юные спутницы еще только входили в воду, ежась и фыркая. Нюта была в ажурном розовом комплектике, а Оксана, едва не смутившая меня расстегиванием легкой кофточки, шла в воду в белых тру-

сиках и той самой кофточке, завязанной на груди в большой узел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.